

Т

№4

Апрель 2022

УССКИЙ КЛУБ

Стр. 12

ВСПОМИНАЯ БЕЛЛУ

Стр. 6

С ЛЮБОВЬЮ К ГРУЗИИ

 ВТБ

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

И.о. главного редактора
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель и.о. главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№4
(198)
Апрель 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«**რუსული კლუბი**»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 С ЛЮБОВЬЮ К ГРУЗИИ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 12 ВСПОМИНАЯ БЕЛЛУ
МАНАНА ГЕДЕВАНИШВИЛИ
- 16 ГРУЗИНСКИЕ ПАСХАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 19 СИБИРЯЧКА В САМЦХЕ-ДЖАВАХЕТИ
СВЕТЛАНА СИНАТАШВИЛИ
- 22 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 ГРУЗИНСКИЙ КАЗАК НА ФУТБОЛЬНОМ ПОЛЕ
ДЕМИКО ЛОЛАДZE
- 36 РАЗГОВОР ПО ДУШАМ
НЕЛЛИ СКОГОРЕВА
- 41 КАК ЖЕНЩИНА МОЖЕТ ИСПРАВИТЬ ПОГОДУ
ИРИНА ПАРОШИНА
- 45 ЗА РУЛЕМ ЧЕРЕЗ ЭПОХУ...
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 49 «ТРУДНЫЕ» ПРИТЧИ ТЕНГИЗА АБУЛАДZE
СОСО ТУГУШИ
- 52 ВВЕРХ И ВСЕ ВЫШЕ
АНАСТАСИЯ ЭРИСТАВИ

На обложке: Белла Ахмадулина
Фото В. Малышева

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ

В этом году, где-то между январем и июнем – а почему бы не в апреле? – исполняется 450 лет гениальному английскому поэту и крупнейшему представителю английского барокко Джону Донну. Он был проповедником и настоятелем лондонского Собора Святого Павла. Но главное – автором чудесных любовных стихов, элегий, сонетов и эпиграмм. Его творческое наследие велико, и оно является достоянием и гордостью Англии. Все мы знаем строчку из 17-го стихотворения его «Духовных стихотворений», ставшую названием гениальной книги Эрнеста Хемингуэя. В наше непростое время стоит привести эти строки полностью:

«Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если Волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европа, и также если смочит край Мыса и разрушит Замок твой и Друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол; он звонит и по Тебе».

БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

Это было одним из прозвищ легендарного французского рыцаря Баярда, жившего на рубеже пятнадцатого и шестнадцатого веков. Сам Пьер Баярд предпочитал другое – «добрый рыцарь». И оно было вполне справедливым, ибо насколько рыцарь был беспощаден к врагам в бою, настолько милосердным к пленным, раненым, мирным жителям и даже к проституткам. Как-то он учтиво раскланялся с проходившей мимо женщиной. Спутник упрекнул Баярда, указав, что это просто «жрица любви». На что рыцарь ответил, что лучше он раскланяется с падшей женщиной, чем ошибется и будет невежливым с порядочной дамой.

Дворянин Пьер Террайль де Баярд происходил из старинного рыцарского рода, все предки которого были воинами – прадед и дед в битвах, а отец участвовал в войне за бургундское наследство. Пьер родился в суровом замке в провинции Дофине, неподалеку от Гренобля. С детства он был поборником рыцарского кодекса: душу – Богу, сердце – даме, жизнь – короне, честь – никому. К 14 годам он мог сказать, что «рыцарские доспехи стали его второй кожей». Благородным рыцарем дворянин Пьер Баярд стал во многом благодаря воспитанию матери, не уставшей наставлять его: «Уважай себе равных, всегда говори правду, защищай вдов и сирот».

Он был участником бесчисленных битв и рыцарских турниров. Будучи непобедимым воином, Баярд часто сражался с сильнейшим противником перед началом битвы. И не проигрывал таких поединков никогда. А был случай, когда он, встав на мосту, в одиночку принял бой с двумя сотнями итальянских рыцарей, пока не подошло подкрепление. Сказать по чести, из-за узости мостика они не могли навалиться кучей и вынуждены были наступать по четыре в ряд. Но факт остается фактом – один против пары сотен врагов! Его ценили коро-

ли и даже Римский Папа Юлий II. Баярд посвятил в рыцари юного короля Франциска I. Его уважали враги и никогда не брали в плен, даже когда он был окружен. Однажды французское войско проиграло битву и отступило, а Баярд задержался из-за личного поединка с английским рыцарем. Победив, Пьер вернул врагу меч, признав себя пленником английской короны. Англичанин, в благодарность от благородства великого воина, отказался и проводил его до лагеря французов. Погиб Баярд в очередном итальянском походе в возрасте 48 лет от аркебузной пули в спину – говорят, выстрел был случайным. Никто не обрел такой славы, как этот грозный и благородный рыцарь. Имя Баярд стало нарицательным, как и его бессмертный в веках девиз: «Делай что должен, и будь что будет!»

ПОЛУЧЕН ЧИСТЫЙ РАДИЙ

Ровно 120 лет назад в Париже супруги Пьер и Мария Кюри получили чистый радий, целую пробирку. После открытия явления радиоактивности, названного по имени исследователя «лучами Беккереля» в 1896 году, когда наука познакомилась с радиоактивным ураном, молодые ученые обратили внимание, что отходы, остающиеся после выделения урана из урановой руды, более радиоактивны, чем чистый уран.

В апреле 1898 г. они сообщили Парижской академии наук о своем открытии и, воодушевленные реакцией научной общественности, с энтузиазмом бросились в работу. В итоге, перелопатив тонны руды в арендованном сарае на парижской улице Ломон, они получили неизвестное науке вещество в количестве одной десятой грамма, которое назвали радий, от латинского слова radius, в переводе «луч».

То есть, после долгих экспериментов, мучений, отсутствия поддержки, нормальной научной базы и жуткого безденежья, Кюри сумели совершить важный прорыв в науке. Годом позже Шведская королевская академия наук присудила молодой

паре половину Нобелевской премии за открытие радия и полония, а вторую половину получил профессор Анри Беккерель. И почти сразу выяснилась возможность практического применения открытых элементов – уже в 1903 году врачи стали экспериментировать с радиоактивным излучением, с его помощью они хотели разрушить раковые клетки. В то же время в Канаде Эрнест Резерфорд начал работы, которые привели впоследствии к созданию атомной бомбы. Да, Пьер и Мария Кюри – ученые выдающиеся, и вклад их в мировую науку необычайный. Ведь с открытием радиоактивных веществ человечество обрело как атомную энергию, что, конечно, благо, так и ужасную атомную бомбу, деликатно называемую оружием сдерживания, способную уничтожить нашу грешную планету. Но тогда, 120 лет назад, молодые ученые были счастливы, ведь открытие радия прославил их. Они сумели наконец оборудовать нормальную лабораторию и купить себе... ванну.

ПОВЕЛИТЕЛЬ ЛЕТАЮЩИХ ДЖИГИТОВ

Впервые попав на представление танцевального коллектива «Сухишвили», испытываешь чувство, что смотришь цельный сюжетный балетный спектакль, хотя зрелище состоит из отдельных разнохарактерных номеров. Ты внезапно погружаешься в атмосферу незнакомых ощущений, соприкосновения с невероятным миром темпераментного и страстного движения. И только после начинаешь различать отдельные хореографические изыски, отточенные жесты и невероятные по амплитуде танцевальные па. Но более всего поражает невероятная слаженность движений летающих джигитов и стройных красавиц. Это пиршество красоты народного танца по праву считается гордостью родины, и любой приехавший обязательно дол-

жен насладиться совершенством и гармонией танцевальной культуры, присущей талантливому народу. Замысел собрать воедино все виды народного танца появился в голове одного совсем юного талантливого и красивого человека, ученика класса А.Г. Алексидзе Студии грузинского народного танца. Еще он учился классическому балетному танцу у известного педагога итальянского происхождения Марии Перини. Звали его Илико, Илья Ильич Сухишвили. 1907 года рождения, он был коренным тбилисцем из скромной семьи. Как и всякий уроженец этого города, Илико с детства впитал атмосферу музыкального разнообразия песен и танцев, и у него появилась мысль собрать народное танцевальное шоу мирового уровня. Свой великий коллектив они создали сразу после войны и всю свою жизнь проработали в нем. Сейчас всемирно известным балетом «Сухишвили» руководят уже их внуки. Поздравляем весь коллектив с юбилеем их создателя – великого танцовщика и хореографа Илико Сухишвили!

ВЕЧНОМУ ГОРОДУ – 2775 ЛЕТ

Ежегодно в Риме отмечают день рождения города – он приходится на 21 апреля. Считается, что основание Рима произошло в невероятном далеком 753 году до н.э., то есть 2775 лет назад. Почему именно этот год? Просто взяли и согласились с умо-заклечениями Марка Теренция Варрона – писателя и ученого первого века до новой эры, который вместе с математиком Нигидием Фигулом и астрологом Тарутием вычислил эту дату – якобы приходившуюся на третий год Шестой олимпиады. Крутая датировка, а главное – точная!

Но оставим иронию, ведь археологи обнаружили на римских холмах следы гораздо более древних поселений. Вдоль реки Тибр во все времена шла тропа. По ней возили соль от побережья в глубь Апеннинского полуострова. Рядом с тропой охотно селились древние люди, вели меновую торговлю. Там же находились разбойничьи логова и пещеры. Ведь известно, что первый царь-основатель Рима легендарный Ромул вместе со своим братом-близнецом Ремом были самыми настоящими

вожаками отчаянного сброда. К ним в шайку стекались бродяги, беглые рабы и преступники из разных окрестных племен. У братьев, как позже у казаков, было правило «из Рима выдачи нет».

В итоге сам город Рим со своего основания, с точки зрения всех его соседей, был сборищем бандитов. И представьте себе, римляне во все времена почти не стыдились такого начала своей истории, охотно рассказывая откровенно уголовные истории, случавшиеся в первые десятилетия Вечного города, – про грабежи соляных караванов, нападения на древнюю столицу латинов Альба Лонга, войны с этрусками, похищения соседских девушек-сабинянок – в их разбойничьем воинстве не было женщин, а завести семью хотелось каждому лихому парню.

Правда, с родней жен римлянам сначала пришлось без особого успеха повоювать, но вскоре все помирилось, благо появилось совместное потомство. Потом сабиняне и римляне и вовсе объединились, став одним народом. Первые цари от легендарного Ромула были людьми прогрессивными, они дали городу сенат, избирательное право, разделили жителей на патрициев и плебеев, патронов и клиентов, сформировали первые легионы. А потом в Риме был принят кодекс – «законы двенадцати таблиц», и он стал вполне приличным и гораздо более цивилизованным государством. Но многие сотни и сотни лет непобедимые римские легионеры несли на крыльях орлов тот пассионарный порыв первых отчаянных храбрецов, бросивших вызов привычному жизненному укладу и решивших построить свой мир, распространив его от лесистых холмов Палатина, Капитолия и Авентина до самых дальних пределов известной Ойкумены.

С ЛЮБОВЬЮ К ГРУЗИИ

*Прощаю недруга
и друга!
Целую наспех все дома!
Во мне, как в мертвом
теле круга,
Законченность
и пустота.
Белла Ахмадулина*

Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Перевод Асмат ДЖАГМАИДЗЕ

Много написано о том, что для русских поэтов, начиная от Пушкина и Лермонтова, Кавказ и собственно Грузия являются сакральным местом, где русская муза привольно расправляет свои крылья, набирается неиссякаемого вдохновения и наполняется благодатью. Начало, положенное двумя гениями, достойно продолжили последующие поколения талантливых поэтов.

В первую очередь надо вспомнить выдающегося поэта и благороднейшего человека Якова Полонского. На протяжении лет он служил в Тбилиси, и грузинская тематика занимает в его творчестве значительное место. Он был сердечным другом Акакия Церетели, и неслучайно, что сдержанный на похвалы Акакий посвятил ему восторженное, полное любви стихотворение.

В начале XX века образцовое внимание и тепло к Грузии проявил Константин Бальмонт – один из первых переводчиков «Витязя в

Белла Ахмадулина. 1960-е гг. Фото М. Трахмана

тигровой шкуре», всесторонне образованный поэт, обладатель широчайших интересов и тонкого музыкального слуха. Он, а также весьма интересный литератор Федор Сологуб и талантливый лирик Игорь Северянин, который соперничал в популярности и обладании титулом «короля поэзии» с самим Александром Блоком, в начале XX века посещали Грузию – в Тбилиси, Кутаиси и Батуми они устраивали поэтические вечера, диспуты, встречи с Паоло Яшвили, Тицианом Табидзе, Сандро Канчели и др. Хорошо был знаком Бальмонт и с Галактионом Табидзе. Доказательством служит совместная фотография. Деятельность Бальмонта и Северянина в Грузии еще до конца не оценена нами по достоинству.

Владимир Маяковский родился и вырос в Грузии, свободно говорил по-грузински. Любви к Грузии его никто не учил, о чем он сам неоднократно заявлял.

Назовем именитых русских поэтов XX века, которые внесли огромный вклад в грузинскую поэзию. Это целая плеяда.

Сергей Есенин, неповторимый певец русской природы и крестьянского быта, был одним из первых, кто в полной мере познал неповторимый облик Грузии, грузинский характер и воплотил их в своих лучших стихах.

Влюбленный в Грузию тонкий лирик Осип Мандельштам. Он в полной мере оценил гениальность Важа Пшавела и перевел его поэму «Гоготур и Апшина».

В связи с Грузией и грузинами особое место занимает Борис Пастернак – великое явление, поэт мирового масштаба. Помимо прекрасного цикла стихотворений о Грузии, он виртуозно перевел и издал отдельной книгой сборник «Грузинские лирики», чем прославил грузинскую поэзию.

Как известно, именно через русских поэтов и их переводы с грузинского иностранные исследователи – французы, англичане, немцы, итальянцы – знакомились с грузинской поэзией, и многие из них стали картвелологами (Луиджи Магаротто, Дональд Рейфильд, Бернар Утье), изучили нашу историю, язык и культуру.

Великий русский поэт Николай Заболоцкий, отличающийся от всех собственным голосом и

Фото Ю. Роста. Середина 1990-х гг.

взглядом, сослужил огромную службу грузинской поэзии – от Руставели и до поэтов XX века.

С благодарностью надо вспомнить Павла Антокольского, утонченного поэта и эрудита, и Николая Тихонова, чье творчество отражает дружбу и благорасположение двух народов.

Непревзойденным мастером стиха является Арсений Тарковский. Оставивший глубокий след в русской поэзии, он на высочайшем уровне переводил грузинских поэтов и был частым и желанным гостем на грузинской земле.

С нежностью вспоминаем Елену Николаевскую, Владимира Солоухина, Михаила Луконина, Александра Межирова. В Грузию часто приезжали и с любовью переводили грузинскую поэзию Александр Глезер, Владимир Леонович, Михаил Синельников...

В России, как и в Грузии, было мощное и талантливое поколение шестидесятников, без которых невозможно составить полное представление о русской поэзии XX века. Нет надобности

напрягать память, чтобы перечислить лучших из них: Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Евгений Рейн, Александр Кушнер, Юрий Рыженцев, Дмитрий Бобышев, Олег Чухонцев, Роберт Рождественский, Вадим Козовой, Иосиф Бродский, Юнна Мориц, Белла Ахмадулина, Елена Шварц...

Впечатляющий список! Но можно с уверенностью заявить, что из всех своим громадным талантом, человеческим обаянием, безграничной любовью к Грузии и неподражаемой скромностью выделяется Белла Ахмадулина.

По-моему, после Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, не было другой русской поэтессы, которая сравнилась бы с Ахмадулиной размахом, силой вдохновения, многообразием форм выражения. Вместе с великими Ахматовой и Цветаевой Белла создает своеобразное трио, и втроем они следуют в вечность...

Своей бескомпромиссной жизнью и многообразным, монументальным творчеством Белла Ахмадулина доказала, что яв-

ляется одной из достойных наследниц Пушкина и Лермонтова, верной продолжательницей пути великих предшественников. Ей, как и им, вместе с тончайшим лиризмом, присущ эпический талант, проявляющийся не только в поэмах, но и в стихах, что весьма редкое явление в поэзии. Оттого ее речь близка к разговорной (это свойство особо ценится у поэтов), ведь это неиссякаемый источник естественности.

Белла Ахмадулина не раз с преклонением рисовала образ Пушкина, которому считала себя вечно обязанной. Пушкинские интонации часто слышны в ее стихах, о чем мы поговорим ниже. Здесь же упомянем раннюю, выстроенную на условностях поэму «Приключение в антикварном магазине». Уже то обстоятельство, что старику-антиквару, торговцу старыми вещами – 200 лет, и он – современник Пушкина, указывает нам на мистификацию, необходимую автору, дабы приблизиться к обожаемому поэту и приласкать его. В тексте дважды назван «Кавказ», а Пушкин, чью раннюю гибель автор никак не может пережить, настойчиво упоминается как «правнук Ганнибалов». Заранее задуманные, эти подсказки еще больше окутывают светом тайн и легенд личность Пушкина, и без того сложно познаваемую.

Таким же ореолом поэт не раз обрамляет и образ Лермонтова. Ограничусь упоминанием одного, мощного стихотворения – «Тоска по Лермонтову». В нем описано пребывание Лермонтова во Мцхета, когда он готовился к написанию поэмы «Мцыри» на основе услышанной подлинной истории.

Произведение начинается с нежного обращения к Грузии. Поэт объясняется в трепетной любви к благодатной земле. Строки воспринимаются как благословение, после которого автор рисует прекрасные и грустные осенние пейзажи. В первых же двух строфах чувствуется вдохновение опытного мастера, а сдержанная игра слов создает соответствующее настроение:

О Грузия, лишь по твоей вине,
когда зима грязна и белоснежна,
печаль моя печальна не вполне,
не до конца надежда безнадежна.
Одну тебя я счастливо люблю,
и лишь твое лицо не лицемерно.
Рука твоя на голову мою
ложится благосклонно и целебно.

Мечтающему поэту не страшны ни слякоть, ни холодная октябрьская погода, он оказывается в чужом доме, где встречается со сверчком, спасающимся там от холода. Сверчок поет на свой лад, к его песне присоединяется и поэт, и вместе они поют по ночам. Под конец автор печалится о своих бесприютных снах, мысленно переносится к небу, солнцу и облакам, где на вершине уединенной горы стоит «высочайший юноша планеты». Это Лермонтов. С вышины он смотрит на храм Светицховели и думает о своем драматическом произведении. А внизу (это воображаемые картины) не прекращается битва за эту землю, слышны гром мечей и лошадиный храп. Как и в поэме самого Лермонтова, в стихотворении упомянуты Кура и Арагви, которые не могут ни соединиться, ни разойтись. Автор же беспокоится о судьбе юноши, «великого человека», который непременно погибнет, если двинется отсюда навстречу дуэли, и умоляет его не покидать Грузию. Белла Ахмадулина – мастер рефрена: этот искусный способ композиционно скрепляет стихотворение. В финальных строфах повторяется одна и та же предостерегающая фраза: «Стой на горе!», что усиливает трагическую тональность замысла:

Стой на горе! Не уходи туда,
где – только-то! – через четыре года
сомкнется над тобою навсегда
пустая, совершенная свобода!

Стой на горе! Я по твоим следам
найду тебя под солнцем, возле Мцхета.
Возьму себе всем зреньем, не отдам,
и ты спасен уже, и вечно это.

Стой на горе! Но чем к тебе добрей
чужой земли таинственная новость,
тем яростней соблазн земли твоей,
нужней ее сладчайшая суровость.

Вспоминается фраза Анны Ахматовой об авторе «Демона»: «Вряд ли кто-нибудь на этой планете может напоминать Лермонтова».

Белла Ахмадулина никогда об этом не писала, но, наверное, ей было приятно, что героиню романа, кровно связанную с Кавказом, Грузией, схожую с серной, благородную, красивую и трагическую, тоже звали Бэлой (разница лишь в одной букве «л»).

«Солнце русской поэзии» Пушкин, вдохновленный Грузией, создал не один шедевр, и тема «Грузии печальной» занимает большое место в его бессмертном творчестве. Так же и Лермонтов многие свои гениальные произведения (как в про-

зе, так и в стихах) либо посвятил Грузии, либо связал с нею. Складывается ощущение, что любовь к Грузии Белла унаследовала от Пушкина и Лермонтова, и мы по праву считаем ее продолжательницей традиций двух великих поэтов, их именитой наследницей. Но прежде эту благородную миссию приняли на себя два чистейших душой наставника Беллы Ахмадулиной – Павел Антокольский и Борис Пастернак, о которых хотелось бы сказать несколько слов.

Павлу Антокольскому, которого Белла Ахмадулина считала своим учителем и обожествляла как человека, в разное время – в 1956 г. и в 1978 г. – посвятила два стихотворения. В обоих упомянут – по имени – Симон Чиковани. Его фамилия не называется, что говорит о братской дружбе Беллы с грузинским поэтом.

В первом из них, почти в самом начале, она упоминает девятерых дэвов и Симона («мой Симон»). 18-летняя Белла сидит в ресторане с пожилым Антокольским, они пьют вино, и ей радостно, что годы не умерили его пыла. Она хвалит его «гасконский темперамент» (Антокольский чудесно переводил и французских поэтов). Лукаво подмечено, что он и от амурных приключений не откажется. Вот как кончается это стихотворение:

Все впереди, чему должно случиться!
Оно еще случится. Погоди.

Спустя 22 года, в 1978 г., после кончины Антокольского, 42-летняя Белла Ахмадулина вспоминает свой визит в его квартиру. Хозяин угощает младшую подругу гостинцами из Грузии («Кახетинского яства нарядность»), просит отведать янтар-

**Белла Ахмадулина и Павел Антокольский.
Москва, 1960-е. Фото М. Трахмана**

ную гроздь ркацители, и тут же упоминается тот, кто прислал гостинец: «Виноград – подношение Симона». Симон Чиковани всей своей жизнью, по-семейному был связан с Антокольским, Заболоцким, Пастернаком, Бажаном, и эта дружба принесла великие плоды, забыть которые невозможно.

Потрясающе, волнительно прощальные слова Беллы на смерть Антокольского, написанные в октябре 1978 г. Вспоминается его безграничная доброта – он ничего не жалел, чтобы помочь бедным и нуждающимся (Белла и сама была такой). Об этой черте в прощальной речи сказано особо: «В его существе обитала непрестанная мысль о чьей-то нужде и невзгоде». Перед смертью Антокольский наказал своей дочери Наталье раздарить все, что он имел – стихи, книги, вещи. Белла вспоминает, как хлопотал он о переводах на русский язык иноязычных поэтов (а к грузинским поэтам он всегда испытывал особую любовь): «Я знаю, как много сделал Павел Григорьевич для того, чтобы русские читатели могли принять к своему сведению стихи наших соотечественников, которые пишут на других языках».

Навсегда запечатлелся в памяти Беллы Ахмадулиной волнующий душу случай, когда ранней весной, в жуткую бурю и слякоть они вместе с Антокольским пошли навестить могилу Пастернака. Явственно видишь, как утомленный поэт преклоняет колени на святой могиле, слышишь вырвавшиеся рыдания. Об этом Белла писала не раз. В воспоминании «Миг бытия» эта скорбная минута описана так: «Павел Григорьевич захотел проведать могилу Бориса Леонидовича Пастернака. Тропинка многими и мною протоптана. Был март.

Борис Пастернак

Когда мы добрались до кладбища, пошел сильный снег. Стало смеркаться, и быстро смерклось. Мы долго плутали по кладбищу. Сквозь пургу, сквозь темноту все-таки дошли до могилы. У могилы Павел Григорьевич вскричал: «Борис! Борис! Прости!» За что просил прощения? – я никакой вины Антокольского не знаю. Или просто прощался?»

Во многих стихотворениях, речах и воспоминаниях отчетливо видно, что неугасимую любовь к Грузии и к грузинской поэзии Белле Ахмадулине привил ее мудрый наставник Борис Пастернак. «Переделинский изгнанник» поведал ей и то, что в трудные времена эта благословенная земля примет ее и даст приют, где она сможет вздохнуть спокойно. И правда, когда позднее ее упрекали в том, что она, в отличие от других, не переводит европейскую поэзию, и вопрошали, чем же заслужила такое ее внимание грузинские поэты, Белла Ахмадулина не задумываясь отвечала, что это единственная страна, которая протянула ей руку и подарила родительское тепло. От Бориса Пастернака она знала – в суровые тридцатые грузинские поэты приняли его с такой братской заботой, что Тбилиси показался ему настоящим оазисом. До последних дней жизни он не испытывал недостатка в любви и поддержке грузинских поэтов. За несколько лет до смерти, когда Пастернак не смог издать в России свой автобиографический очерк

«Люди и положения», он переслал его в Тбилиси, где произведение было переведено на грузинский Гией Маргвелашвили и стараниями Симона Чиковани опубликовано в журнале «Мнатоби». История невероятная, но правдивая. Даже Твардовский смог опубликовать «Люди и положения» в «Новом мире» только в 1967 г. В этих воспоминаниях запечатлены живые портреты грузинских поэтов – Паоло Яшвили, Тициана Табидзе, Колау Надирадзе, Симона Чиковани. Пастернак был очарован Боржомом и Абастумани, наслаждался красотами природы, а потом неудачно упал в Бакуриани, повредил глаз и в таком виде явился к Георгию Леонидзе, которого называл «самобытнейшим поэтом, больше всех связанным с тайнами языка, на котором пишет, и потому меньше всех поддающимся переводу». Вряд ли можно дать более точную характеристику создателю великого стихотворения «Оле».

Белла Ахмадулина посвятила много пламенных стихов Борису Пастернаку. Остановлюсь на одном, написанном после смерти Пастернака. Оно, вместе с прозаической вставкой, состоит из нескольких частей, но в целом очень органично. Название этого глубокого и стройного произведения простое – «Памяти Бориса Пастернака» (другое название – «Главы из поэмы»).

В большей первой части дом Пастернака в Перedelкино и сам хозяин описаны с поразительной нежностью и достоинством. Имя его не упомянуто, но присутствуют такие очевидные знаки, что всем ясно – автор стремится запечатлеть в слове святое место, храм поэзии. Октябрь на исходе, поздняя осень, вечер – и здесь как нельзя кстати аллюзия с поздним шедевром Пастернака «Свеча горела». Сам гонимый властью, униженный, готовый поделиться с другими последним, готовый простить всех и вся, «он искупал всеобщую вину». Мы видим возделанный Пастернаком палисадник, на краю которого, как драгоценными камнями, сверкает плодами малиновый куст. Автор молится на дом со стеклянной верандой, где жил легендарный человек, но воздерживается называть его по имени и, наверное, он в этом прав:

По вечерам мне выпадала честь
смотреть на дом и обращать молитву
на дом, на палисадник, на малину –
то имя я не смела произнести.

После первой части следует прозаическая вставка, не уступающая в поэтичности стихотворным строкам. Автор вспоминает историю более чем двухлетней давности, когда она такой же поздней осенью наведлась в Перedelкино. Хозяин дачи неожиданно выходит ей навстречу из чащи, как бог дикой природы Пан. Описана и его одежда – грубый костюм охотника, синий плащ, сапоги. Как выражение безграничного уважения звучат следующие строки: «От нежности к нему, от гордости к себе я почти не видела его лица – только ярко-белые вспышки его рук во тьме слепили мне уголки глаз. Он сказал: «О, здравствуйте! Мне о вас рассказывали, и я вас сразу узнал. – И вдруг, вложив в это неожиданную силу переживания, взмолил: – Ради Бога! Извините меня! Я именно теперь должен позвонить!». Он вошел было в маленькое

здание какой-то конторы, но резко вернулся, и из крошечной темноты мне в лицо ударило, плеснуло яркой светлостью его лица, лбом и скулами, люминесцирующими при слабой луне. Меня охватил сладко-ледяной, шекспировский холодок за него. Он спросил с ужасом: «Вам не холодно? Ведь дело к ноябрю?» – и, смутившись, неловко втянулся в низкую дверь. Прислонясь к стене, я телом, как глухой, слышала, как он говорил с кем-то, словно настойчиво оправдываясь перед ним, окружал его заботой и любовью голоса. Спиной и ладонями я впитывала диковинные приемы его речи – нарастающее пение фраз, доброе восточное бормотание, обращенное в невнятный трепет и гул дощатых перегородок».

Прекрасное и необычное передать непросто. Хозяин дачи мягко упрекает Беллу: «Отчего вы никогда не заходите? У меня иногда бывают очень милые и интересные люди – вам не будет скучно. Приходите же! Приходите завтра». От блаженства у автора закружилась голова, она благодарит и обещает зайти. Но сердце подсказывает – этого удивительного неземного человека и гениального творца она при жизни уж не увидит больше...

В музее-квартире А.С. Пушкина на Мойке.
Фото А. Осмульского

Вторая часть стихотворения протекает в той же тональности, но она более цельная и объединена вокруг одной метафоры (образ актера) – это тайная отсылка к цветаевскому восторженному восклицанию: «По-человечески так не говорят!» Эта часть явно отлична от первой. Поэт сравнивается с актером, вышедшим из-за кулис, – он говорит естественно и не старается очаровать зрителя. Театральный мир был близок Пастернаку, поэтому вовсе не неожиданно представить его, глубокого знатока творчества Шекспира, непревзойденного переводчика его трагедий, таким образом:

Он сразу был театром и собой,
той древней сценой, где прекрасны речи.
Сейчас начало! Гаснет свет! Сквозь плечи
уже мерцает фосфор голубой.

Спектакль одного актера, драматический моно-

лог окончен. Стоящий перед рампой, он не пророчил ни одной фальшивой фразы, не отвернулся от правды, был одинаково нежен с людьми и животными. Отдал все, что имел, без сожаления. Мало того, настойчиво приглашал войти в дом, и эта щедрость естественным образом переплетена с характером грузин, ведь согласно их неизблемой многовековой традиции, – гость послан Богом, и он превышает хозяина:

Уж занавес! Уж освещает тьму!
Еще не все: – Так заходите завтра! –
О тон гостеприимного азарта,
что ведом лишь грузинам, как ему.

По окончании представления в зале понемногу гаснет свет. И здесь у сидящего в партере автора (в воображении) невольно текут слезы; автора, оказавшегося в центре Вселенной, охватывает волнение, вызванное возвышенным чувством восторга:

Я плакала меж звезд, деревьев и дач –
после спектакля, в гаснущем партере,
над первым предвкушением потери
так плачут дети, и велик их плач.

Заключительная часть произведения отличается от остальных строфой, размером и даже строением. В ней сконцентрировалось и излилось главное высказывание. В первой строфе говорит сам Пастернак, который в знаменитом цикле стихов, написанных в тридцатые годы, воспел нашу родину как рай земной. Здесь непосредственно назван Тбилиси и даже подчеркнута его точное топографическое расположение. Он превосходит рай и отличается от всех других мест на Земле. Невозможно представить лучшую похвалу, чем та, которая содержится в этих строчках. Такого еще никто не говорил. Эта фраза выделена, заключена в кавычки:

Он утверждал: «Между теплиц
и льдин, чуть-чуть южнее рая,
на детской дудочке играя,
живет вселенная вторая
и называется – Тифлис».

В последующих строфах автор продолжает изливать свое восхищение благодатной страной. Апофеозом звучат последние строки – поэт печалится о том, как отплатить Грузии за безграничную доброту, ему дарованную. Но Белле Ахмадулиной незачем огорчаться, она не в долгу перед нашей многострадальной, почти обескровленной страной. Она утоляла ее боль, воспевала в радужных цветах красоты Грузии, оживающие в ее снах, и всегда старалась утешить:

...И вернуть дары,
что ты мне, Грузия, дарила!
Но поздно! Уж отпит глоток,
и вечен хмель, и видит бог,
что сон мой о тебе – глубок,
как Алазанская долина.

Продолжение следует

ВСПОМИНАЯ БЕЛЛУ

■ Манана ГЕДЕВАНИШВИЛИ

В конце шестидесятых в журнале «Юность» были опубликованы стихотворения молодой Беллы Ахмадулиной. Я была очарована. Помню, поделилась своим впечатлением с Гурамом Асатиани, утонченным знатоком грузинской и русской поэзии. Гурам с восторгом заговорил о Белле, сказав, что она настоящий поэт, продолжатель линии Пушкина.

Первый большой сборник произведений Беллы вышел в Тбилиси в 1979 году. С первых же страниц поэт признается в любви к Грузии, к ее людям, поэтам, культуре:

Сны о Грузии – вот радость!
И под утро так чиста
виноградная сладость,
осенившая уста.

Ни о чем я не жалею,
ничего я не хочу –

в золотом Свети-Цховели
ставлю бедную свечу.

Малым камушкам во Мцхета
воздаю хвалу и честь.
Господи, пусть будет это
вечно так, как ныне есть.

Пусть всегда мне будут в новость
и колдуют надо мной
родины родной суровость,
нежность родины чужой.

Белла любила читать пастернаковские строки:

Мы были в Грузии. Помножим
Нужду на нежность, ад на рай,
Теплицу льдам возьмем подножьем,
И мы получим этот край.

И мы пойдем, в сколь тонких дозах
С землей и небом входят в смесь
Успех и труд, и долг, и воздух,
Чтоб вышел человек, как здесь.

Чтобы, сложившись средь бескормиц,
И поражений, и неволь,
Он стал образчиком, оформясь
Во что-то прочное, как соль!

Борис Пастернак и Белла совпали в своей любви к Грузии, к Тифлису, к Метехи, Светицховели. Белла как бы вторит Пастернаку:

...Ожог глазам, рукам – простуда,
любовь моя, мой плач – Тифлис!
Природы вогнутый карниз,
где бог капризный, впад в каприз,
над миром примостил то чудо...

Не знаю, для какой потехи
сомкнул он надо мной овал,
поцеловал, околдовал
на жизнь, на смерть и наповал –
быть вечным узником Метехи...

Как-то я рассказала Белле, что в годы, когда «Доктора Живаго» издавали только за границей, мне тайком привезли эту книгу из Италии. Кое-какие литературные круги критиковали роман, говоря, что это не «та», не «большая литература». Я же была потрясена и романом, и замечательным циклом включенных в книгу стихотворений. Белла тогда сказала: «Доктор Живаго» – большая литература. Это – «Евангелие от Бориса!»

С Беллой мы познакомились в начале семидесятых. За мной на кафедру Мединститута заехали друзья, приглашая поехать в загородный ресторан. Я отказывалась, но, услышав, что там будет Ахмадулина, тут же согласилась. Мы приехали в обычный неказистый грузинский духан, вошли внутрь, и в глубине комнаты, за столом, я увидела Беллу. Она мгновенно встала и, мило улыбаясь, подошла. С короткой стрижкой, челкой, в черном свитере и джинсах, она походила на симпатичного подростка. Потом Белла с юмором рассказывала об этой нашей первой встрече: «Открылась дверь, показалась ты, и я услышала «музыку судьбы!»

Мы подружились сразу. Белла приезжала часто и надолго. Она останавливалась в гостинице «Тбилиси», в большом красивом номере, и, выходя на балкон, любовалась оттуда проспектом Руставели. Боря Мессерер тоже любил это место. Каждый день, с самого утра, начинались встречи – собирались то в гостинице, то у друзей, то в ресторанах. Не буду перечислять всех замечательных поэтов, писателей, художников, которые бывали в те дни у Беллы и Бори. Было интересно, весело. Спорили и говорили обо всех запрещенных темах, о поэзии, литературе. Произносили остроумные тосты, читали стихи на грузинском и русском языках.

Однажды наша компания очутилась во Мцхета. Белла в который раз начала восторгаться Светицховели, Джвари... И тут мне пришло в голову

Белла Ахмадулина и Нодар Думбадзе. Фото А. Саакова

крестить Беллу! Спрашиваю ее – крещена ли? Оказалось – нет. «Будем тебя крестить!» – «О, возможно ли это!» – восклицает Белла. Приносят тазик с водой, Белла снимает туфли на высоком каблуке и в джинсах сосредоточенно стоит в воде. Молодой священник по всем правилам совершает ритуал. Трогательно было видеть, как Белла с благоговейным вниманием его слушала. Среди присутствующих были Чабуа Амирэджиби, Резо Амашукели, Юра Чачхиани... Конечно же, не обошлось без праздничного стола.

Через много лет, в Малом зале Большого театра, праздновали юбилей Беллы. Вдруг принесли большой букет и письмо от Ельцина. «Говоря о нашем времени, – написал в письме президент, – скажут, что это была эпоха Беллы Ахмадулиной, и был тогда в России такой-то президент»... Выступали замечательные поэты, писатели, друзья Беллы. Из Грузии приехали Чабуа, Резо Амашукели... На сцену вышел Борис Мессерер и неожиданно объявил: в зале сидит

Белла Ахмадулина и Борис Мессерер. Фото А. Саакова

крестная Беллы, такая-то...

Когда Белла и Боря решили соединить свои судьбы, Белла прислала мне телеграмму: «Прошу Вашего благословения вступить в законный брак. Если благословите, оповещу Вас о дне бракосочетания. Я Вас люблю. Ваша Белла». «Согласие» Белла получила, все счастливо завершилось... Но это было, конечно, задолго до упомянутого юбилея Беллы.

Белла с любовью и нежностью относилась к моим родителям, «Тамара Иосифовна такая же, как Борина мать – одна культура, стиль, манеры», – говорила она.

А вот надпись на книге «Сны о Грузии»: «Любимые и достопочтимые Тамара Иосифовна! Дмитрий Михайлович! Примите мою почтительную нежность и пожелание – от всей души моей – здравствовать и благоденствовать. Ваша Белла. 12 октября 1983 г.».

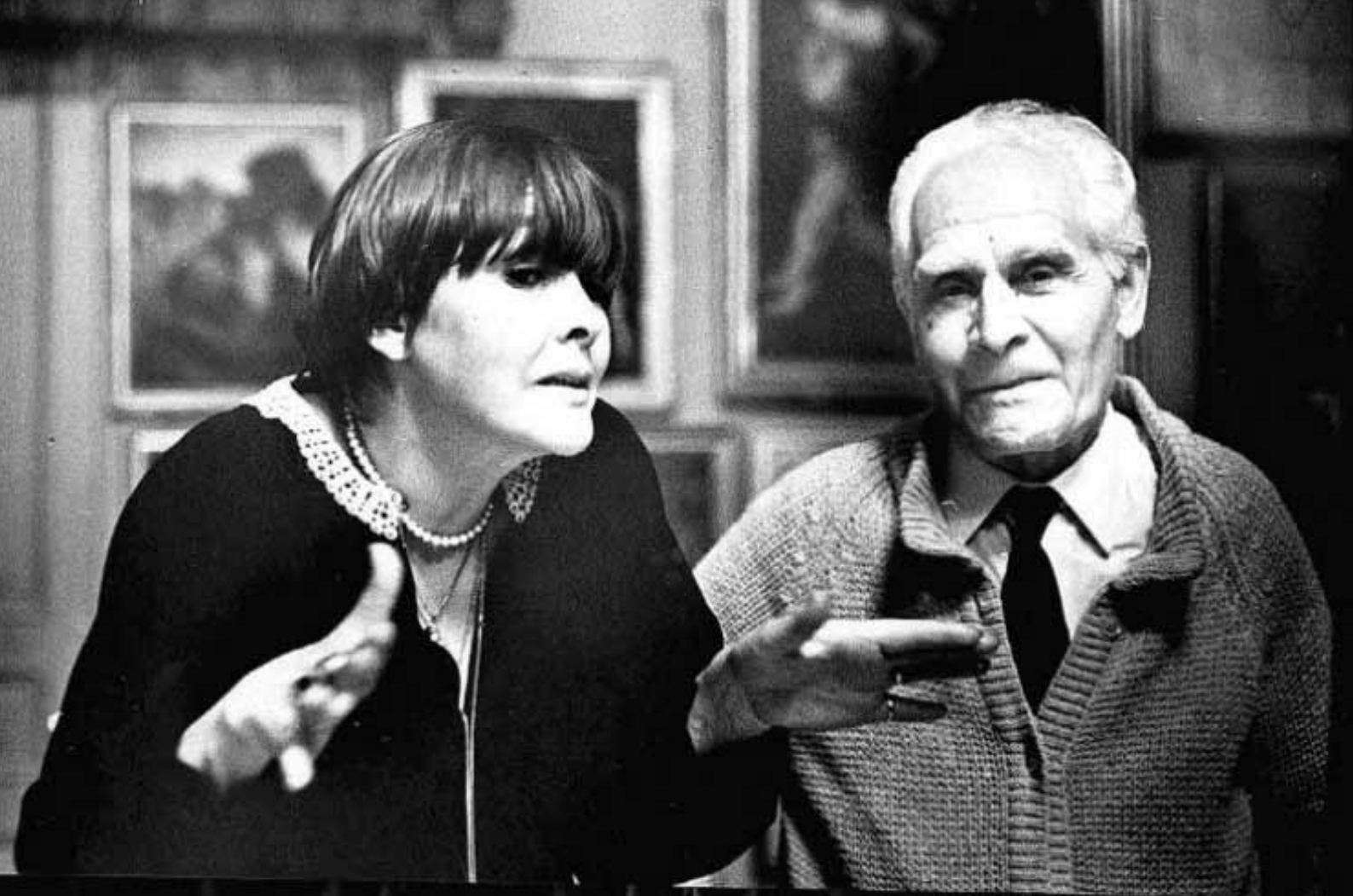
Несмотря на свою загруженность, Белла никогда не оставляла без внимания своих друзей. Все они получали от Беллы весточку или книгу. Вот одна из телеграмм: «Дорогие, любимые Манана и Юра, с радостью оповещаю вас об открытии Бориной персональной выставки четверг 24-го на три недели. Целую вас, кланяюсь Тамаре Иосифовне и Дмитрию Михайловичу. Ваша Белла».

Иной раз телеграммы бывали и такие: «Манана люблю, Манана люблю – Белла».

Надписи на книгах радовали друзей. Вот одна из них: «Манане, Юре – Ваша драгоценная единственность на белом свете мне особенно известна, сердце ее всею любовью и болью понимает. Ваша Белла, 12.10. 83». Или на сборнике стихов 1975 года: «Родные мои... верьте тому, что я всегда сообщник Вашей жизни, что вплотную близко к сердцу держу Вас. Мне известно нерасторжимое наше родство и единство судьбы. Целую Вас и никогда не забываю. Белла».

Однажды Белла прислала письмо на черновом эскизе Бориной огромной картины «Про граммофоны и про меня»: «Я не умею сказать Вам, что вы для меня, какая тяжелая, сильная, никогда не оставляющая сердце нежность. Ваше присутствие постоянно, ему нет отлучки, нет маленьких каникул. Какое счастливое совпадение, что любя Вас всей слепотой души, я всем зрением ума знаю, что Вы – совершенно прекрасны. И я люблюсь и горжусь этим. О, скорей бы Вас увидеть! Целую и благодарю Вас! Поцелуйте Кэти, кланяйтесь моим дорогим калбатони Тамаре и батони Дмитрию. Всегда Ваши Белла и Боря».

Белла писала друзьям и отдыхая на курортах, и во время поездок за грани-

Белла Ахмадулина и Ладó Гудиашвили. Фото А. Саакова

цу. Вот письмо из Франции: «Мананочка! Целую тебя – в любезных твоему сердцу замках на Лунаре... Передай мою любовь Юре, всем твоим, Гии и Ане Каландадзе... Всегда, и в Амбуазе, твоя Белла». А это – надпись на книге Анны Ахматовой: «Моя милая, родная Манана, опять посылаю тебе книгу, но на этот раз – прекрасную, более достойную Тебя и моей любви к Тебе; Твоя Белла».

Борис прислал мне свою книгу «Промельк Беллы» с надписью: «Дорогая Манана, прими пожалуйста мою любовь и нежность! При первой же возможности высылаю тебе только что вышедшую книгу! Целую тебя и всегда помню! Твой Борис Мессерер, 19 ноября, 2016». В этой замечательной книге Борис вспоминает и семью Гедеванишвили. Он говорит о Дмитрие Гедеванишвили как о моем «отчиме». Хочется уточнить: у моей мамы Тамары Цицишвили был единственный муж, и он был моим родным отцом.

Борис упоминает также стенную живопись Кашветской церкви. Он пишет: «Мать Мананы Тамара Цицишвили была звездой экрана и народной артисткой Грузии. В середине сороковых годов Ладó Гудиашвили написал в церкви Кашвети большую фреску, используя свои зарисовки к портрету Тамары для создания образа Богоматери, вокруг которой расположил апостолов».

Постараюсь вспомнить подробности. В те времена Ладó Гудиашвили был в опале. Ему запретили преподавать в Академии художеств, семья художника нуждалась. И тогда Католикос Грузии с целью поддержать художника заказал

ему фреску Богоматери для Кашветской церкви. А незадолго до того Гудиашвили написал большой живописный портрет Тамары Цицишвили – один из его шедевров. Хотя я тогда еще училась в младшем классе школы, мама делилась со мной многими историями. Как-то раз она сказала, что Ладó собирается писать лицо Богоматери, взяв прототипом ее лицо. Чуть ли не каждый день я ее спрашивала – не закончена ли фреска? Но огромная, сложная работа требовала времени. Наконец, мама сообщила: «Позвонил Ладó, сказал, что фреска закончена, пригласил в Кашвети – посмотреть». Что же у него получилось?! Я с нетерпением ждала возвращения матери. Наконец раздался звонок, я открыла дверь и набросилась на маму: «Тебе понравилось? Скажи скорее!» Мама ответила, что фреска прекрасна, и как замечательно, что Ладó написал также изумительных апостолов.

Много раз мы любовались гениальной фреской – и тогда, когда церкви пустовали, и позже, в лучшие времена. Смотря на лицо Богоматери, я всегда отмечала сходство святого лика с лицом мамы. Особенно заметно это сходство на ранних фотографиях Тамары Цицишвили и на ее прекрасном портрете работы Ираклия Тоидзе.

Белла глубоко чувствовала дух Грузии, ее народ, культуру, историю, любила, как свою «суровую» родину. Никогда Белла не изменяла этой любви и, раз «пригубив» ее, осталась «вечным узником Метехи». И снились ей сны о Грузии...

ГРУЗИНСКИЕ ПАСХАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

— Анастасия ХАТИАШВИЛИ

Для Грузии, как и для всего христианского мира, светлый праздник Пасхи – день значимый и важный. С каждым годом к нему относятся все бережнее и трогательнее. Но вот старинные грузинские пасхальные традиции – красивые, уникальные – увы, люди уже не просто не практикуют, о них порой даже и не слышали, а если и слышали, то позабыли. Наш рассказ – об этих оригинальных национальных обычаях.

Начать хочется с «чона» – традиции, которая по сути и форме несколько напоминает Рождественское Алило. «Чона» происходила в Великий Четверг, в Великую Субботу или прямо на Пасху. Участники этого чудесного обычая – в красочных

нарядах и масках – с веселыми песнями обходили село и поздравляли всех с наступлением Пасхи. Вот дошедшие до нас строчки этих песен:

Я пришел к вам
с Нижней Картли,
Обошел весь Двири,
Не евши я вброд шел через реки
И в них я мыл лицо,
Но лицо Рождения
Это то яйцо,
Что покрасила Нино.

По другой версии они также напевали:

Нико Пиромани. Пасхальные сюжеты

Алатаса-балатаса,
опустил я руку в корзину.
Матушка, выноси из дома
яйца,
и тогда Бог даст тебе
благоденствие.

И люди награждали их красными яйцами, сладкими лепешками – квери, мукой, фруктами, а также деньгами. Особенно старались те, кто ожидал от грядущего сезона богатого урожая и всеми силами пытался «задобрить» святых. К концу дня деревенская молодежь дружно отмечала праздник на собранные богатства и сласти.

Само слово «чона» означает «шерстяная шапка», возможно, название обычая связано с использованием шапок при сборе подарков. В разных уголках страны «чона» проходила по-разному. В селе Сно, на родине Католикоса-Патриарха Грузии Илии II, на Пасху сельчан обходила группа юных лучников под руководством взрослого мужчины, наиболее почитаемого односельчанами. Гостей встречали жертвованиями. А во дворах в ряд устанавливали пасхальные яйца – по числу членов семейства. И громко объявляли, кому

какое яйцо принадлежит. В каждое из яиц лучники по очереди выпускали по стреле до тех пор, пока не попадали в каждое. Отпускать участников «чона» с пустыми руками было плохой приметой и даже табу. В качестве пожертвований горцы давали молодежи еду и деньги. В конце праздничного дня на общих сборах все шумно гуляли и праздновали Пасху, а деньги направляли на нужды родного села.

В Самегрело, одном из краев Западной Грузии, на Пасху пекли лепешки квери с сыром и яйцами. А над большим квери – лагвани – закалывали барашка или поросенка – грузины упорно верили, что на Пасху должна «пролиться кровь». Не человеческая, Боже упаси! Речь шла о жертвоприношении скота – свиньи, индейки, петуха. Глава семьи, который с утра постился, не курил и даже не пил воды, в полдень укладывал на специальный поднос свиные сердце и печень, голову петуха, лепешки и чашу вина. Все это он ставил на крышку глиняного кувшина кверви, а потом благословлял вино.

Пасхальная служба в храмах Самегрело начиналась в полночь. Церкви и монастыри

были полны прихожан: кругом горели свечи, люди молились и возвращались домой с пением «Христос Воскресе».

В Раче в пасхальное утро готовили мучную кашу и пекли в тонэ лаваш. После службы священник ходил по семьям и благословлял каждую. Его встречали на пороге с подносом, на котором лежали различные лакомства. На второй день Пасхи пекли лобиани, слоеный пирог «шекецили», небольшие четырехугольные хачапури «бохчуани», варили мясо.

Кстати, с Рачей связана еще одна интересная пасхальная традиция. По преданию, в одной рачинской церкви хранился крупный и длинный музыкальный инструмент – что-то вроде громадной трубы. Чтобы дуть в эту трубу, нужны были недюжинные силы. Так вот, местные участники «чона» были на такое способны: во время праздничного шествия по дворам они брали инструмент с собой и вместо песен в каждом дворе три раза дули в трубу. О том, что это был за звук, можно только догадываться. Довольные хозяева в ответ одаривали гостей пасхальными яйцами и сладостями.

Нико Пиросмани.
Женщина с пасхальными яйцами

Нико Пиросмани. Пасха

Гурийцы, самые импульсивные из грузин, на Пасху устраивали игру «лело бурти». Это старинный грузинский народный вид спорта – ему более трехсот лет! – командная игра с мячом, напоминающая регби. Кожаный мяч наполняли солью и опилками. По некоторым данным, он весил целых 16 килограммов! Мяч окропляли «агуной» – смесью из красного вина, меда, гранатового сока и еще одного ингредиента, так и оставшегося секретным. Напиток был назван по имени бога древнегрузинской мифологии Агуна, покровителя виноградарства и виноделия. Эту же смесь игроки выпивали для прибавления бодрости и сил.

Жители прекрасной Кахети на Пасху закалывали ягненка и свинью, устраивали большое долгое застолье. Соседи приглашали друг друга к себе в гости и отмечали праздник. Для Пасхи кахетинцы сохраняли вино в особом кувшине – «зедаше». На праздник кувшин открывали, часть вина отдавали в храм, а оставшимся угощали гостей.

В высокогорной Сванети на Пасху шли на церковную службу в главный сельский храм, в

Чистый понедельник молились о богатом урожае, строили мурками – снежные башни, и водили вокруг них хороводы. Праздник продолжался на протяжении недели и завершался Уплиши – праздником Красной горки.

Был в Сванети и такой пасхальный обычай: в честь умерших родственников сваны устраивали ритуал «камараи». «Камараи» – это небольшая зеленая ветвь одного из местных растений, часто елки. Ветвь заплетали полукругом и украшали фруктами, крашеными яйцами, колосками пшеницы, косами плетеного сыра, фигурками зверей из хлеба. На двух концах ветви зажигали свечи. К слову, такой же ритуал сваны проводили на сороковины и годовщину смерти родных.

В Имерети в Пасхальную ночь раздавались не только звон церковных колоколов, но и звуки рожков, в которые торжественно дули местные жители. Эти звуки, вместе с первым криком петуха, звали жителей села на праздничную литургию. Говорят, кто бы и как бы крепко ни спал, к третьему крику петуха непременно объявлялся в храме.

Что касается Тифлиса, то, как пишет Вахушти Батонишви-

ли, после праздничной пасхальной литургии горожане собирались на территории нынешнего храма Кашвети и устраивали различные соревнования: в стрельбе из лука, играх с мячом, конных состязаниях. Победитель получал золотую или серебряную чашу, в которую, кстати, в ходе состязания по стрельбе и надо было попасть стрелой. После игр царь приглашал католикос-патриарха, епископов, духовенство, князей и простых людей на великую трапезу.

И, наконец, лучше, ярче и проникновеннее всего грузинские традиции и любовь грузин к Светлому празднику Пасхи запечатлена в картинах знаменитого далеко за пределами родины гения-примитивиста, культового грузинского художника Нико Пиросмани. С полотнен «Пасха», «Женщина с пасхальными яйцами», «Пасхальные сюжеты», «Пасхальный ягненок» и других буквально считывается особый трепет, нежные чувства и чистая вера, которые жили в сердцах жителей Грузии с давних времен и никогда не умрут.

СИБИРЯЧКА В САМЦХЕ-ДЖАВАХЕТИ

■ Светлана СИНАТАШВИЛИ

Ольга Слинько-Лекишвили

Все мы родом из школы. Она оказывает мощное влияние на всю нашу последующую жизнь. Любимые учителя незримо присутствуют в мыслях, воспоминаниях, спорах своих учеников, порой даже не догадываясь о том, как те им благодарны. Одно поколение сменяется другим, но роль Учителя по-прежнему остается наиважнейшей в судьбе каждого человека.

Столичные учителя знакомы друг с другом очно или заоч-

но, периодически встречаются, дружат. Они в курсе всех изменений в системе образования, всех тренингов, конференций, интересных событий. А как обстоят дела в регионах? Что мы знаем о сельских педагогах? Да очень мало знаем... Фактически почти ничего.

А ведь в стране четверть детей школьного возраста живет в сельской местности. Обычно – в семьях, где родители зачастую не имеют возможности вкладываться

в образование ребенка. Кругозор этих ребят не так широк, как у живущих в больших городах. Им нужна помощь. Им необходим увлеченный, опытный, хорошо подготовленный педагог, который поможет ребенку не только освоить предмет, но и передаст ему свои знания о мире, о добре и зле.

Учителя, которые работают в малых населенных пунктах и нашли там свое призвание, – настоящие подвижники. Поэтому

героями нашей новой рубрики «Профессия – русист» станут не только тбилисские педагоги и ученые, но и (даже в первую очередь!) скромные учителя из регионов Грузии, преподаватели русского языка как иностранного (РКИ). Мы будем рассказывать о том, как им живется и работает в глубинке, об их мечтах и чаяниях, проблемах и победах, о самочувствии «великого и могучего» за пределами столицы.

Итак, знакомьтесь – Ольга Дмитриевна Слинко-Лекишвили. Преподает русский язык в первой публичной школе Аспиндзы.

На просторах Интернета можно найти лаконичное описание этого городка: «Аспиндза – эпицентр, вокруг которого расположились самые удивительные достопримечательности интереснейшего края Самцхе-Джавахети». А это ни много ни мало – Вардзия, Рабат, монастырь Сапара, Зеленый монастырь, Боржомский национальный парк и многие другие знаменитые памятники истории и культуры Грузии.

В этот самый «эпицентр» Ольга и приехала 44 года назад

из сибирского Кузбасса, чтобы остаться здесь навсегда, стать Ольгой Слинко-Лекишвили. Ее муж был профессиональным футболистом, а сама она с детства увлекалась спортом, принимала участие в самых значимых спортивных соревнованиях Сибири и Дальнего Востока. Выступала в нескольких видах – толкала ядро, играла в футбол, волейбол, баскетбол, ходила на лыжах, почти всегда занимала призовые места. Окончила Прокопьевский техникум физической культуры по специальности «преподаватель физической культуры». После замужества спорт не бросила. В 2012 году стала чемпионкой Самцхе-Джавахети в забеге на три километра в соревнованиях по легкой атлетике в регионе. В 2015-м на XIII летнем Европейском юношеском олимпийском фестивале, который проходил в Грузии, была Почетным факелоносцем.

Все это очень хорошо, скажете вы, но при чем тут русистика? А вот при чем. Прожив семь лет в Грузии и проработав тренером по легкой атлетике в Аспиндзской спортивной школе,

Ольга решила сменить профессию. Решила – сделала. И окончила филологический факультет Цхинвальского педагогического института. Сначала работала в деревне Ацквита, что в 18 километрах от Аспиндзы. Каждое утро ехала на автобусе до Ниджгори, затем шла восемь километров пешком, в калошах, по сельской размытой дороге. В школе быстренько переобучалась и всегда входила в класс в туфельках на шпильке. Входила, как на праздник.

Потом Ольгу перевели в Аспиндзскую публичную школу, где она преподает и по сей день. Преподает увлеченно, с любовью. Ее общение с учениками не заканчивается в классе, а продолжается и после уроков: они вместе читают стихи и поют песни на русском языке, вместе отмечают дни рождения, празднуют Масленицу и множество других праздников. Дети обожают свою учительницу, а она обожает их.

В классе у Ольги учатся и пять ребят с ограниченными физическими возможностями. И все они, представьте себе, полностью освоили учебную

программу (!). «Да, с сильными детьми работать легко, но ведь должен же кто-то и со слабыми заниматься», – говорит педагог. Для Ольги высшее наслаждение – сделать то, что, по мнению других, сделать сложно. Когда по всей Грузии проводили государственные экзамены для педагогов, она сдала их прекрасно, с первой попытки, в числе первых.

В 2015 году была Москва, Международный Пушкинский конкурс, в котором она приняла участие по настоянию прекрасного преподавателя РКИ из Тбилиси, равнодушной и влюбленной в свое дело Лины Гаспарян, и стала лауреатом. В 2016-м году Юрмала, III Международный конкурс педагогического мастерства. Ольга вновь в числе лауреатов, за интегрированный с географией урок «Кавказ подо мною». Тамошние ученики были в восторге – всем сразу же захотелось приехать в Грузию и своими глазами посмотреть на ее красоты.

В 2017-2018 годах Ольга принимает участие в Международном конкурсе педагогического мастерства «Хрустальная чернильница», получив диплом победителя в номинации «Перевоплощение». За дипломом последовало приглашение в Киев, в Международный педагогический клуб, который объединяет русскоязычных педагогов-единомышленников в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Не сбавила темп Ольга и во время пандемии. Участвовала и участвует в международных конференциях и форумах, подготавливалась, сдала экзамен, и теперь она – педагог высшей категории. Много путешествует. Успевает быть мамой двоих сыновей и двоих внуков, вяжет, фотографирует, шьет. Ее часто спрашивают: «Как тебе удается все успевать? Ведь в сутках всего 24 часа?» – «Не всего, а целых 24 часа! А в неделю сколько? А в месяце? Спать надо меньше, господи!» – отвечает она.

В 2013 году случилась беда – погиб муж Ольги. У нее опустели руки. И тут директор школы Клара Зедгинидзе сделала все возможное, чтобы поддержать вдову, – приглашала ее на всевозможные тренинги

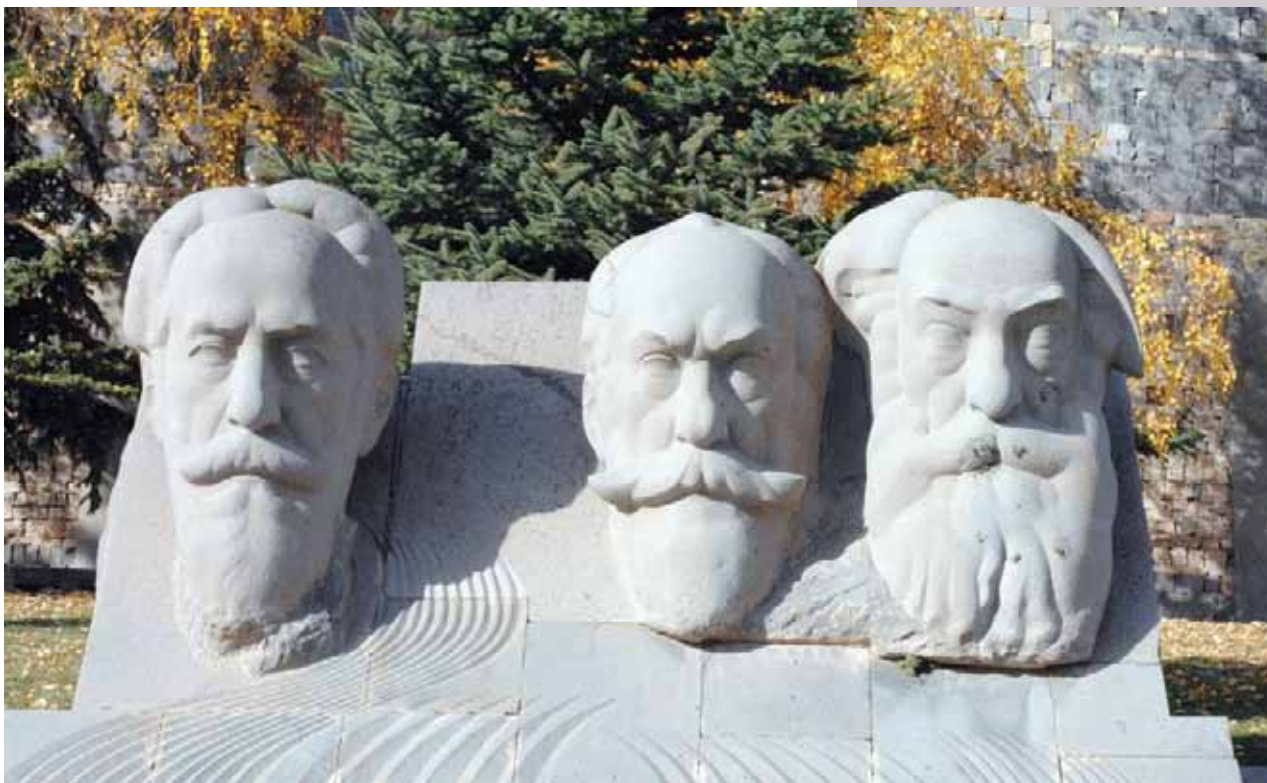
и конференции, чем очень помогла справиться с горем и жить дальше. Да и весь педагогический коллектив всегда и во всем поддерживает коллегу, и Ольга считает, что ей очень повезло работать с такими чуткими и отзывчивыми людьми.

Она благодарна директору школы и за то, что та дает возможность ненадолго отлучаться и ездить в Тбилиси на спектакли Грибоедовского театра и творческие встречи с интересными гостями столицы. Например, в конце 2021 года Ольга вместе с другими педагогами, по приглашению «Русского клуба», имела возможность побывать на вечере известного актера из Санкт-Петербурга Олега Пальмова, на прекрасной лекции доктора филологических наук, заведующей отделом культуры российского зарубежья московского Дома русского зарубежья им. А. Сол-

женицына Татьяны Марченко «Бунин по-достоевски: поэтика и жизнь. К 200-летию Ф. Достоевского и 150-летию И. Бунина». Такие встречи педагогам просто необходимы!

Вот так и живет сибирячка Ольга Дмитриевна Слинько-Лекишвили в высокогорном пограничном районе Грузии, в сорока километрах от турецкой границы, в восьмидесяти – от границы с Арменией и в двухстах сорока – от Тбилиси. Живет в интересном историческом месте, где у каждого камня – своя история. Где все придерживаются старинных традиций. Где все – на виду. А русскоязычного населения почти нет...

Живет и занимается любимым делом – русским языком. Воистину, учитель – не просто профессия. Это призвание и образ жизни.

Памятник братьям Орбели в Цахкадзоре

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Жителей тбилисской улицы имени Ладо Асатиани мемориальными досками не удивить. В те времена, когда она называлась Бебутовской, а затем – Энгельса, на ней жило немало замечательных людей. Но то, что на общей памятной доске значатся имена сразу трех прославившихся на весь мир выходцев из одной семьи, – случай уникальный. Один из них – основоположник подводной археологии в СССР, исследователь рукописей Леонардо да Винчи. Другой – начальник Военно-медицинской академии, создатель большой научной физиологической школы. Третий – востоковед, директор Эрмитажа, первый президент Академии наук Армении. Все они носили одну фамилию – Орбели. Все они – выпускники 3-й Тифлисской мужской гимназии, которая находилась между улицами Гановской (ныне – Галактиона) и Вельяминовской (Шалвы Дадиани). Все трое – родные братья.

Их отец, Абгар Иосифович,

окончил юридический факультет Петербургского университета и стал весьма успешным юристом в Закавказье. Работал в Сванети, Цхинвали, Азербайджане, был мировым судьей в Эривани, прокурором в Кутаиси. Женится он на княжне Варваре Аргутинской-Долгорукой, знавшей русский, французский, армянский и грузинский языки, прекрасно певшей и музицировавшей, занимавшейся благотворительностью в детских приютах Тифлиса.

Из-за того, что семья постоянно в разъездах, сыновья рождаются в разных городах: Рубен – в 1880-м в Нахичевани, Левон – в 1882-м около Цахкадзора, Иосиф – в 1887-м в Кутаиси. А когда семья окончательно оседает в Тифлисе, в доме 56 по Бебутовской улице, Абгар Иосифович работает присяжным поверенным и занимается частной адвокатской практикой. Он отказывается переводиться в Петрозаводск, сославшись на нездоровье супруги и «наличие маленьких детей», уходит со службы и много времени уделяет детям. Надеюсь, что они за-

ймутся научной деятельностью.

После его смерти в 1912 году в газете «Мшак» можно прочесть свидетельство врача Агасаряна: «Я не знал еще такого отца, который так заботился бы об образовании своих сыновей. Абгар Орбели приложил много усилий для их воспитания и образования, не останавливаясь ни перед какими материальными трудностями для развития своих сыновей. Он приглашал к себе домой учителей гимназии... И отчасти это явилось причиной того, что сыновья, окончившие гимназию, были уже полны творческих идей... Он говорил: «Я рад, что мои сыновья избрали путь во славу науки».

После окончания гимназии Рубен, по желанию отца, поступает на юридический факультет Петербургского университета, Леон – в Военно-медицинскую академию, а Иосиф – на историко-филологический факультет того же университета и становится востоковедом.

Рубен особым прилежанием в гимназии не отличался, бывало, двойки получал по физике и математике. С одиннадцати лет

Родители братьев Орбели

пробовал себя в литературе, написал аж семь тетрадей сочинений, озаглавив их «Сборник стихотворений Рубена Орбели, написанных в 1891, 1892, 93, 95 годах». Были там и короткие рассказы. Затем появляются тетради уже с философскими и этическими размышлениями — он очень религиозен.

Здесь жила семья Орбели

Университет он оканчивает в 1903-м, с дипломом I степени. Его оставляют на кафедре гражданского права для подготовки к профессорской деятельности. Он служит обер-секретарем Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената и через год избирается действительным членом Юридического общества. В Йенском университете в Германии пополняет знания, становится доктором права и в 25 лет производится в надворные советники (чин, соответствующий званиям капитана 2-го ранга во флоте и подполковника в армии).

Он изучает религию, работает редактором юридического отдела двух газет — «Торгово-промышленная» и «Вестник финансов», а после октябрьского переворота 1917 года считает, что верующие люди вынуждены уйти «в духовные катакомбы». Различные религиозные конфессии не раз предлагают ему уехать в Европу, Америку, Японию, но эмигрировать он отказывается. В 1906-1913 годах работает редактором отделов юридического и иностранного законодательства Минфина, оборудует библиотеки, составляет в них каталоги. В 1918 году пишет о себе: «Занимался литературными трудами... сосредоточил с 1912 года мысль на необходимости

духовного возрождения человека... стал постепенно выступать с лекциями соответствующего содержания в разнообразных аудиториях... Читал отдельные лекции философско-нравственного содержания... в ряде учебных заведениях Петербурга и его окрестностей, как-то: Технологический, Высшие женские курсы, Женский медицинский институт и в большом числе средних... В лекциях и докладах освещались проблемы зла, страдания, свободы воли, личности, личной и общественной гармонии, творчества. В 1918 году по приглашению Петербургского Родительского Комитета... читал доклады по вопросам внешкольного воспитания, причем, Комитетом была избрана тема «Христос как педагог», и доклад неоднократно повторял в школьных аудиториях... Со времени революции и пробуждения общественного самосознания и интереса к проблемам духа, широко развил лекторскую деятельность, читал в больших аудиториях, причем с марта по май 1917 года прочел более 40 публичных лекций».

В 1923-м он указывает в анкете, что находится «вне политических партий». Но полоса неудач все равно начинается. Правительствующий Сенат перестает существовать. Рубен с молодой женой уезжает в Там-

Семья Орбели

бов, работает в губернском отделе национальных меньшинств и участвует в создании университета. А в Кисловодске кем только он не был: ответственный хроникер в краевом телеграфном агентстве, инструктор библиотечной секции Северокавказского краевого отдела профсоюза работников просвещения и даже сборщик лекарственных растений.

Вернувшись в Петроград, работает управляющим делами и заведующим технической частью научной комиссии Академии наук СССР, ассистентом на кафедре философии в Институте физического образования имени П. Лесгафта, откуда его увольняют по сокращению штатов. И снова скитания: «исследование горских народностей в юридическом и религиозном отношении» у академика Николая Марра, работа в наркомате просвещения Армении и в Ереванском сельскохозяйственном университете, торгово-промышленной секции Госплана Закавказской Социалистической Советской республики (ЗСФСР) в Тбилиси.

По направлению Биржи труда снова (целых восемь лет) работает в Академии наук СССР, представляет ее библиотеку в областном отделе профсоюзов, становится общественным инспектором охраны труда. Но в

1931-м и тут – сокращение штатов... А из других организаций его увольняют по состоянию здоровья. Он пишет матери: «Мы все очень много работаем и очень устаем. Несмотря на то, что я признан пожизненным инвалидом (по болезни сердца и перенесенному туберкулезу обоих легких...), но пенсия так ничтожна, что приходится подрабатывать на научных работах. Это... занимает мое время, но... копать в архивах все-таки уже тяжело по возрасту и по здоровью».

В 1935-м – судьбоносная встреча. Ученый корректор издательства Академии наук СССР Рубен Орбели, продолжающий искать работу, знакомится с начальником знаменитого ЭПРОНА (Экспедиции подводных работ особого назначения) Фотием Крыловым, хорошо знающим его брата-врача Леона. И тот предлагает Орбели, изучив соответствующую литературу, написать краткую историю водолазного и аварийно-спасательного дел. Так Рубен Абгарович обретает стабильный заработок, став научным консультантом, членом научно-технического совета и историографом ЭПРОНа.

Он почти девять лет занимается научным изучением истории водолазного дела с древнейших времен. Причем работает с

первоисточниками, так как знает двенадцать (!) языков, среди которых не только современные, но и латынь, древнегреческий, староитальянский. Он использует труды Гомера, Эсхила, Платона, Аристотеля, Цицерона, Геродота... И, конечно, Леонардо да Винчи, зашифровавшего изобретенный им способ подводных погружений.

Расшифровав рукописи великого итальянца, Орбели определил, как развивалась его творческая мысль – от преодоления водных преград до подъема затонувших судов и даже подводных диверсий. А затем в статье «Альпинизм Леонардо да Винчи» ученый обсуждает, как использовать под водой «снеговые» очки – прообраз водолазной маски.

Орбели стал основателем подводной археологии в СССР, но сам предпочитал термин «гидроархеология». Он обследовал с эпроновцами акватории Тихвинского района близ Ленинграда, Одессы, Феодосии, Коктебеля. В первой же гидроархеологической экспедиции на Черноморье обнаружены древние челнок и прибрежные сооружения. И Орбели разрабатывает методику предохранения от разрушения археологических экспонатов, поднятых из-под воды. Дальнейшим работам и планам

И.Б. Стреблова. Портрет Рубена Орбели. 1931

мешает война.

Блокада Ленинграда истощает организм Рубена Абгаровича, его диагноз: «дистрофия II-III степени с отеками ног и общей слабостью». В 1942-м его самолетом эвакуируют вместе с «учреждениями Академии наук СССР». В подмосковном Центральном санатории Красной Армии «Архангельское» диагноз расширяется: «авитаминоз, истощение, правосторонний плеврит и миокардиодистрофия сердца». Организм устает бороться ровно за два года до Победы, в ночь 9 мая 1943 года.

Некролог, опубликованный в журнале «Судоподъем» под названием «Памяти ученого и борца», подписывают не только академики и высокие военноморские чины, но и поэт Анна Ахматова с писательницей Мариеттой Шагинян. А в 1947 году выходит сборник «Профессор Рубен Абгарович Орбели. Исследования и изыскания. Материалы к истории подводного труда с древнейших времен до настоящих дней». Сейчас это библиографическая редкость.

Вот такая непростая судьба у человека, которого в семье считали наиболее одаренным. А он пришел в науку в результате непредвиденного стечения обстоятельств и оказался в тени славы младших братьев-академиков. Когда в 1965 году улица в Выборгском районе Ленинграда получила название «Улица Орбели», в указе Исполкома Ленгорсовета подчеркивались большие заслуги в развитии науки выдающихся ученых Леона и Иосифа Орбели, а имя Рубена не прозвучало...

Средний брат Леон в 1899 году оканчивает гимназию с золотой медалью и становится «своекоштным студентом» Военно-медицинской академии (ВМА) в Петербурге. Это значит, что за учебу приходится платить, зато после окончания обучения, не надо обязательно становиться военным врачом. На первом курсе он посещает лекции великого физиолога, будущего лауреата Нобелевской премии Ивана Павлова, а на третьем курсе уже работает под его руководством в Отделе физиологии Института экспериментальной медицины (ИЭМ).

Р. Орбели (справа) с водолазами

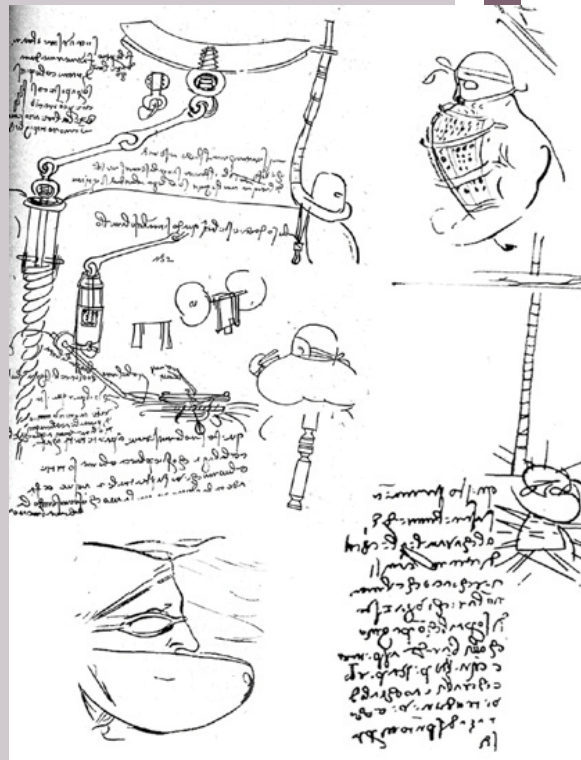
Академию он оканчивает с отличием в 1904-м и назначается ординатором Николаевского военного госпиталя в Кронштадте, в 26 лет защищает диссертацию на степень доктора медицины и в 1907-1911-м годах стажирется в лучших физиологических лабораториях Германии, Англии и на Морской биологической станции в Италии. Потом Павлов приглашает своего любимого ученика на постоянную работу в ИЭМ, и Орбели получает звание доцента, а с 1918-го аж до 1957-го (!) возглавляет физиологическое отделение института имени П. Лесгафта.

Вообще, мест для приложения усилий и знаний у него предостаточно: «Физиологический журнал», Сельскохозяйственный, Первый Медицинский и Химико-фармацевтический институты, Высшие женские курсы в Ленинграде, Юрьевский (ныне – Тартуский) университет в Эстонии. В 1935-м он – член Академии наук СССР, первый заместитель Павлова на XV Международном физиологическом конгрессе, а после смерти учителя возглавляет все учреждения, которыми тот руководил.

Регалии и должности сыплются, как из рога изобилия. В 1941 году – Сталинская премия I степени, в 1943-м – избрание

в первый состав Академии наук Армении и назначение начальником своей альма-матер – ВМА. На следующий год – присвоение высшего для военных медиков воинского звания генерал-полковника и членство во вновь образованной Академии медицинских наук СССР. Еще через год – звание Героя Социалисти-

Рукопись Леонардо да Винчи

Леон Орбели

ческого Труда.

Казалось бы, как говорится, живи и радуйся. Но... Вот отрывок из опубликованного в «Вестнике Российской академии медицинских наук» за 2012 год материала Артема Аствацатурова: «Всю жизнь физиолог Л.А. Орбели стремился к подавлению в себе и других свойства, названного И.П. Павловым «рефлексом рабства». В начале 30-х годов он отказался подписать коллективное письмо, осуждавшее высказывание Папы Римского о преследовании религии и священнослужителей в Советском Союзе, а в конце 30-х и начале 40-х годов неоднократно пытался добиться реабилитации многих репрессированных ученых, в том числе Н.И. Вавилова, Е.М. Крепса и А.А. Баева».

Как видим, заслуженный ученый не хотел жить в рамках установок советской власти. Когда в 1948-м, по инициативе погромщика генетики и кибернетики академика Трофима Лысенко, была «закрыта» классическая генетика, вице-президент Академии наук СССР Орбели обязан был следовать линии партии. Но как последователь Павлова он продолжил исследования на ос-

нове открытий классиков генетической науки.

Он помнит, что в 1930 году Павлов, возмущенный гонениями на ученых, писал председателю правительства Вячеславу Молотову: «Бесперывные и бесчисленные аресты делают нашу жизнь совершенно исключительной. Я не знаю цели их (есть ли это безмерно усердное искание врагов режима, или метод устрашения, или еще что-нибудь), но не подлежит сомнению, что в подавляющем большинстве случаев для ареста нет ни малейшего основания».

Так что, вопреки указаниям «сверху», Леон Абгарович, не только не изменяет направление исследований, но и не увольняет опальных сотрудников. Более того, принимает ученого, изгнанного из Ленинградского университета. Тогда-то он и сам попадает в опалу под лозунгом борьбы... «за торжество физиологического учения академика Павлова». В 1948 году на сессии ВАСХНИЛ (Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени Ленина) его снимают с поста академика-секретаря отделения биологических наук, а сам он на эту сессию демонстративно не является.

На следующий год, во время подготовки к 100-летию юбилею Павлова, на стол Сталину ложится доклад о «серьезном неблагополучии» в развитии павловского научного наследия, искажаемого Орбели, который «монополизировал» исследования по физиологии. Среди других, допустивших «грубейшее,

вульгарнейшее извращение физиологии», назван и еще один лауреат Сталинской премии, ученик Орбели, директор Института физиологии при Тбилисском университете Иванз Бериташвили.

А потом на уровне, выше которого в СССР быть не могло, звучит обвинение Леона Абгаровича в том, что он... «нанес наибольший вред учению академика Павлова». Любой здравомыслящий человек мог бы посмеяться над этим, если бы автором обвинения не был сам Сталин. И над Орбели организуется судилище. Официально оно называется научной дискуссией на объединенной сессии двух Академий – медицинской и «большой». В обиходе его назвали «Павловской сессией».

Сталин лично и детально расписывает сценарий того, что должно произойти: «По-моему, наибольший вред нанес учению академика Павлова академик Орбели... Чем скорее будет разоблачен Орбели и чем основательней будет ликвидирована его монополия, тем лучше... Теперь кое-что о тактике борьбы с противниками теории академика Павлова. Нужно сначала собрать втихомолку сторонников академика Павлова, организовать их, распределить роли и только после этого собрать то самое совещание физиологов... где нужно будет дать противникам генеральный бой».

Обвинители Орбели заявили, что, согласно Павлову, все физиологические процессы в организме подчинены коре больших

Леон Орбели с Иваном Павловым

И. Павлов и Л. Орбели с сотрудниками Военно-медицинской академии. 1927

полушарий головного мозга. И эту подчиненность надо изучать лишь методом «условных рефлексов». А тот, кто изучает другие аспекты физиологии, «субъективный идеалист». На деле же, на «Павловской сессии» научные разногласия были второстепенны – главным была идеологизация советской науки. И в ЦК партии четко определили роли обвинителей-«истинных павловцев» и объекты для «битья». Учение Павлова об условных рефлексах превратили из научного направления в набор догм.

Сессия начала работу с приветствия «корифею, создающему труды, равных которым не знает история передовой науки». То есть вождю. Затем – доклады, по сути, обвинительные речи. Великого ученого Павлова привязали к еще более «великому ученому» в вопросах языкознания – Сталину. И объявили, что мозг управляет поведением людей посредством речевых сигналов и надо «увеличивать власть человека над организмом». В целом, суть обвинений такова:

У Орбели «подвизались морганисты-вейсманисты, направление работ которых противоречило основным теоретическим идеям Павлова». Его ученики допускали «серьезные уклонения в сторону от Павловского учения, увлекались модными реакционными теориями зарубежных авторов». Сам академик «не направил коллектив работников на борьбу с влиянием

западноевропейских и американских буржуазных теорий». А директор Института философии Георгий Александров, бывший глава Управления агитации и пропаганды ЦК партии, вообще объявил, что Орбели «подрывает дело борьбы за свержение капитализма, отступив от материализма, которым руководствовался Павлов».

Сразу после этой сессии Орбели, Бериташвили и многие их единомышленники были уволены со всех своих постов, закрылись целые научные направления, учебные программы школ и вузов переделаны, а учебники переписаны. Советскую физиологию изолировали от международной науки. Леон Абгарович пишет письмо вождю, но ответа нет. От всего этого у него обо-

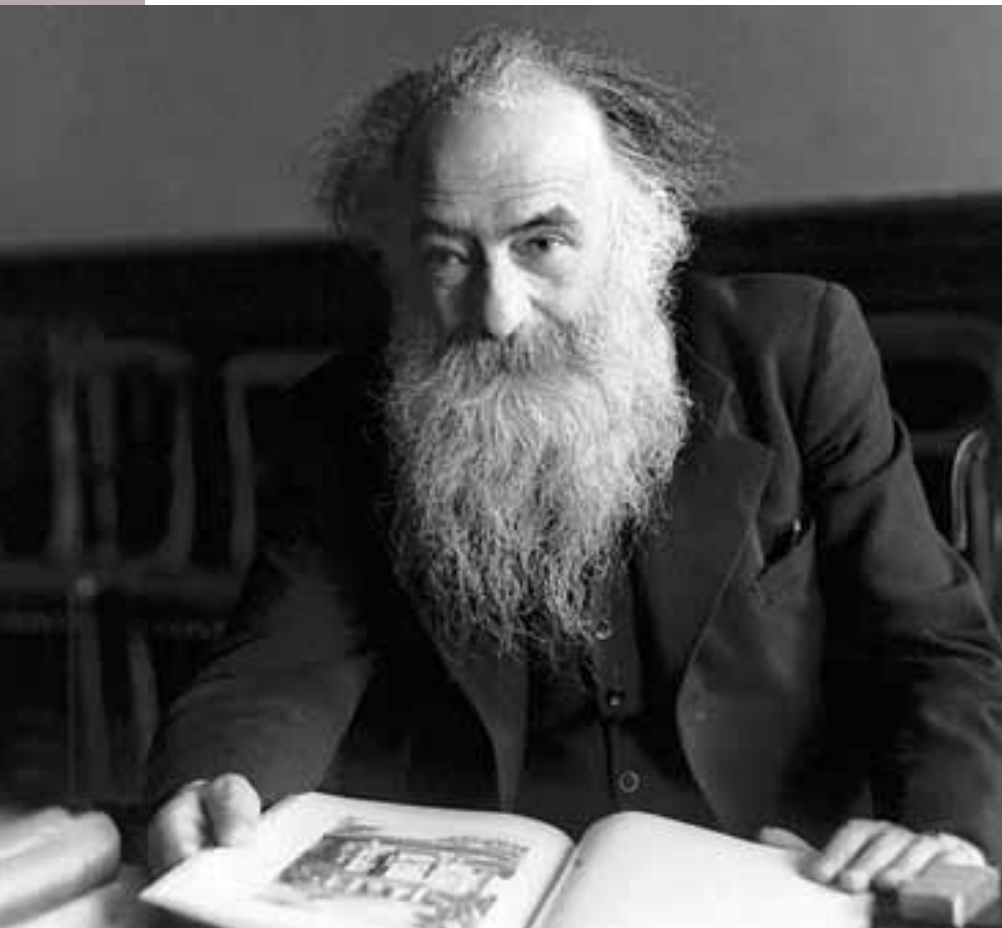
стряется болезнь сердца, которая через несколько лет сведет его в могилу.

Как профессионал, он прекрасно понимает, что эта сессия лишила его нескольких лет жизни. И пытается извлечь максимум пользы из той малости, что ему оставили. Это – небольшая группа сотрудников, созданная в 1950 году для индивидуальной работы Орбели. Из нее рождается лаборатория, из лаборатории – Институт эволюционной физиологии АН СССР, который возглавляет, конечно же, Леон Абгарович!

А самый известный из трех братьев Орбели – младший из них, Иосиф. Известен не только своими выдающимися научными работами, но и чисто человеческими поступками, ставшими

Л. Орбели с коллегами

Иосиф Орбели за работой

поистине легендарными.

Параллельно с обучением в 3-й Тифлисской гимназии он прошел полный курс реального училища, дававшего «общее образование, приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний». Да еще – освоив профессии столяра, каменщика и типографского наборщика.

По окончании историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, владея русским, грузинским, армянским, греческим, латинским и турецким языками, он преподает во многих вузах, ведет археологические раскопки, становится первооткрывателем многих древностей государства IX-VI веков до нашей эры Урарту. Ему чуть больше тридцати, когда он становится руководителем разрядов археологии и искусства Армении и Грузии в Академии истории материальной культуры, ученым секретарем этой академии и Коллегии по делам музеев Наркомпроса РСФСР.

В 1924-м он приходит в Государственной Эрмитаж помощ-

ником директора. А через 10 лет возглавляет этот главный музей страны и становится членом Академии наук СССР.

Из-за внушительной бороды у него – внешность чудака. Однажды его остановили на Невском проспекте и предложили работать швейцаром в одном из ресторанов Ленинграда. Вежливый академик ответил: «Я подумаю...». А вот как директор Эрмитажа он «чудит» так, что может лишиться не только должности, но и свободы.

В 1932 году, еще не будучи директором, он выгоняет из музея представителей конторы «Антиквариат» Наркомата внешней торговли. Они пришли забирать экспонаты из так называемой «восточной коллекции», чтобы продать их за границу. Стране нужны были деньги, и она начала массово распродавать предметы искусства на аукционах Запада. Изгнанием непрошенных визитеров Орбели не ограничивается и пишет письмо самому «вождю народов».

Через пару недель приходит ответ: «Уважаемый т-щ Орбели!

Письмо Ваше от 25 октября получил. Проверка показала, что заявки «Антиквариата» не обоснованы. В связи с этим соответствующая инстанция обязала Наркомвнешторг и его экспортные организации не трогать сектор Востока Эрмитажа. Думаю, что можно считать вопрос исчерпанным. С глубоким уважением, И. Сталин». А сотрудники сектора Востока складывают такую песню про своего руководителя: «Раздаются свирепые трели и чернеет вдали борода. Это, верно, бушует Орбели, и скрываются все без следа!»

Потом Иосиф Абгарович «на-рывается» на грозный НКВД. Когда от него требуют представить список сотрудников Эрмитажа из числа дворян, он на первое место в этом списке ставит свою фамилию. Когда его обвиняют в том, что он принимает на работу женщин «буржуазного происхождения», он заявляет: дежурные в залах музея должны хотя бы немного владеть иностранным языком, чтобы правильно показывать дорогу иностранцам.

В Эрмитаже живет байка о том, как в 1930-х планировали заменить статую ангела со шпиля Петропавловского собора на памятник Сталину. И Орбели заявил: «Помилуйте, товарищи, этот шпиль отражается в Неве, и что же, вы хотите, чтобы товарищ Сталин оказался вниз головой?». Естественно, желающих не нашлось, и проект отклонили. Впрочем, может, это и не байка вовсе... Но фактом остается то, что в 1935 году Иосиф Абгарович переплавил фамильное серебро, чтобы отчеканить миниатюрные копии ценнейшего блюда IV-V веков и вручить их всем участникам Международного конгресса по иранскому искусству и археологии.

А то, что делает этот человек мирной профессии во время войны, иначе, как подвигом и не назовешь. В первые же дни он организует отбор, упаковку и эвакуацию более миллиона (!) музейных экспонатов. Он отказывается уехать из осажденного Ленинграда и создает в подвалах Эрмитажа бомбоубежище, спасшее жизнь двум тысячам горожан. Там же живут и продолжающие исследования на-

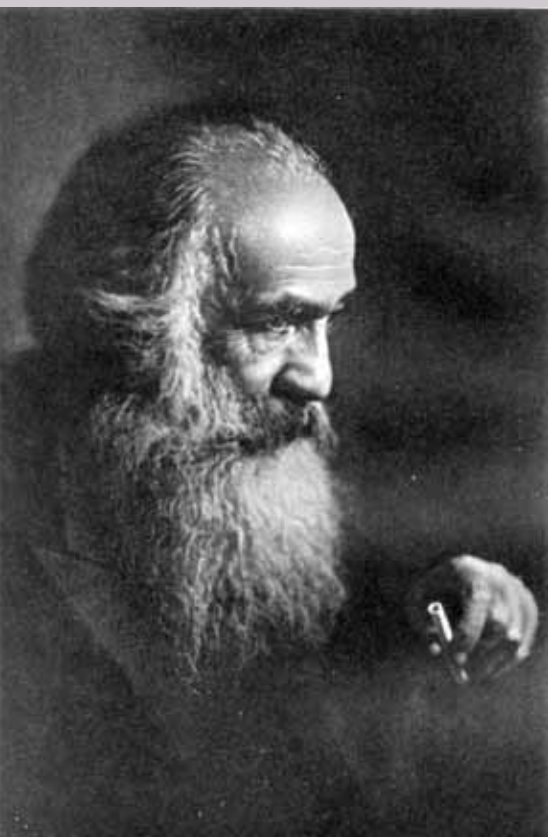
учные сотрудники музея, и сам Орбели, получающий, как и все, суточный паек в 25 граммов хлеба.

Ученый сумел настоять, чтобы с фронта на один день отпустили нескольких историков – прочесть научные доклады на совещании, посвященном 500-летию юбилею поэта Низами. Это мероприятие он спланировал на промежутки авианалетов пунктуальных немцев.

Полумертвого от голода и холода академика все-таки эвакуируют в 1942-м, но через год с небольшим он возвращается на берега Невы. И участвует в работе Чрезвычайной комиссии, которая обследует состояние разрушенных немцами пригородных дворцовых ансамблей – Павловска, Пушкина, Петродворца... И, конечно же, возглавляет восстановление Зимнего дворца и экспозиций Эрмитажа. Уже в октябре 1945-го для посетителей открываются 69 залов.

В 1946 году Орбели выступает на Нюрнбергском судебном процессе свидетелем, уж он-то видел и обстрелы, и разрушения памятников культуры: «Преднамеренность артиллерийского обстрела Эрмитажа для меня и для всех моих сотрудников была ясна потому, что повреждения

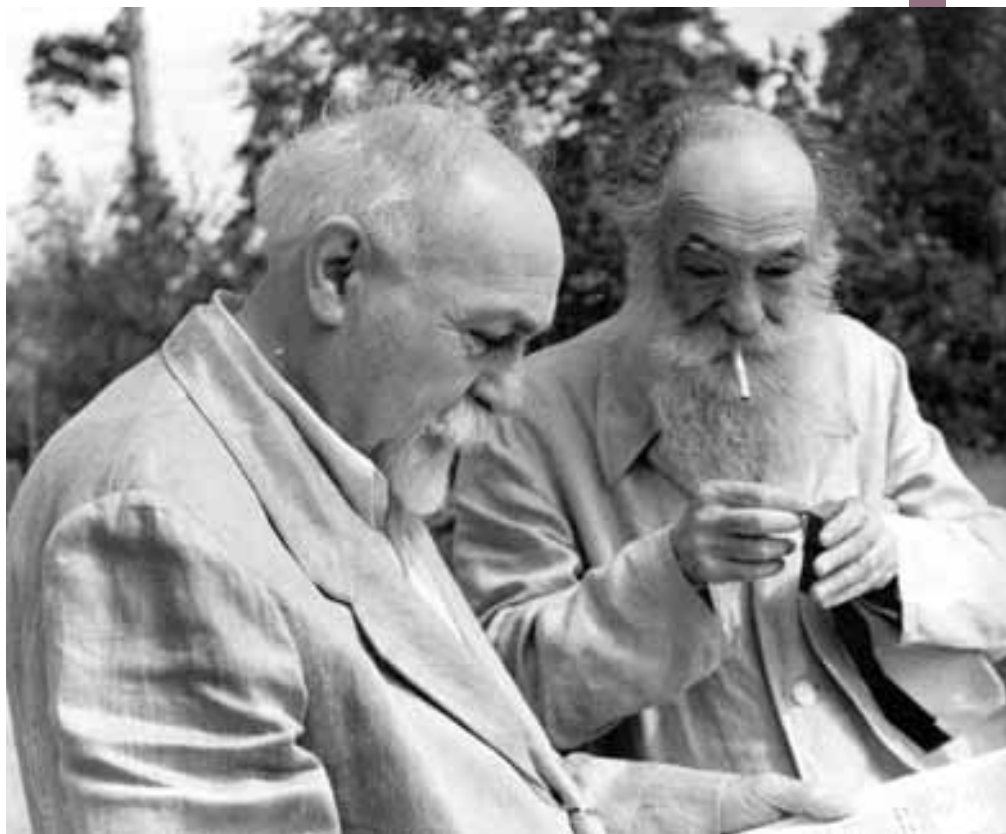
И. Орбели

причинены музею не случайным артиллерийским налетом, а последовательно, при тех методических обстрелах города, которые велись на протяжении многих месяцев». «Достаточно ли велики познания свидетеля в артиллерии, чтобы он мог судить о преднамеренности этих обстрелов?» – спрашивает адвокат. – «Я никогда не был артиллеристом. Но в Эрмитаж попало тридцать снарядов, а в расположенный рядом мост всего один, и я могу с уверенностью судить о том, куда целил фашизм. В этих пределах я артиллерист»

В начале 1950-х – очередная волна гонений на ученых, и под нее попадает ученик раскритикованного вождем академика Николая Марра, человек независимого характера Иосиф Орбели, не уволивший рекомендованных «сверху» сотрудников. В 1951-

Братья-академики Орбели в Комарово

м его «убирают» из Эрмитажа, он работает в Институте языкознания Академии наук СССР и в Ленинградском университете. А кроме того, в 1956 году возглавляет Ленинградское отделение института Востоковедения, почти рядом с родным Эрмитажем...

Иосиф Абгарович уходит из жизни в 1961-м, не в элитном «лечкомбинате», а в четырехместной палате обычной больницы. Но не будем заканчивать рассказ на печальной ноте, а посмотрим на эпизоды из сугубо личной жизни братьев-академиков. Прочтем отрывок из материала Александра Балуева в 8-м номере журнала «Петербург на Невском» за 2004 год – про поселок Комарово, воспетый в популярной песне: «После войны Сталин подарил Академии наук 25 деревянных домов – строили специально по его указу... В поселке жили и темпераментные братья Орбели – директор Эрмитажа Иосиф Абгарович и военный медик Леон Абгарович. Случайно повстречавшись друг с другом во время ссоры, они демонстративно «разворачивали бороды» и расходились в раз-

ные стороны. А когда мирились, то садились вместе на лавочку – и тогда появившиеся невесты откуда экскурсанты рассматривали их как какую-то достопримечательность».

Да, было кого рассматривать... ■

ГРУЗИНСКИЙ КАЗАК НА ФУТБОЛЬНОМ ПОЛЕ

— **Демико ЛОПАДЗЕ**

Более полутора лет назад не стало блестящего русского футболиста, прекрасного журналиста, главного редактора газеты «Футбол-Хоккей», заслуженного мастера спорта Виктора Понедельника. С его кончиной закончился и супер-состав сборной Советского Союза, который в 1960 году выиграл Ку-

бок Европы, победив мощную команду Югославии со счетом 2:1. Решающий мяч в этой игре забил Виктор Понедельник. Наши болельщики всегда с уважением относились к ряду российских футболистов, среди них я бы выделил Льва Яшина, Сергея Сальникова, Эдуарда Стрельцова, Игоря Нетто, Ва-

лентина Иванова и главного героя нашего рассказа – Виктора Понедельника.

В течение нескольких десятков лет Виктор Владимирович не раз приезжал в Грузию – сначала как действующий футболист, затем как журналист. Он любил нашу страну и не скрывал этого. Здесь прошло его детство,

здесь у него было много друзей, и для желанного гостя их двери всегда были открыты.

Однажды выдающийся футболист согласился на беседу со мной, и я ему напомнил, как 13 мая 1981 года мы встретились в Дюссельдорфе на «Райнштадионе» в раздевалке динамовцев, где после победного матча в розыгрыше европейского Кубка Кубков царил неопишуемая радость. А через несколько дней он опубликовал статью об исторической победе грузинских футболистов.

Первые шаги в футболе будущий великий спортсмен Виктор Понедельник сделал в Тбилиси – он жил здесь с 1942 по 1946 год. В своих мемуарах «Штрафная площадка» и «Исповедь центрального нападающего» он подробно вспоминает то время:

«Целых четыре года я жил в Тбилиси, и мне кажется, что песня «Я – тбилисский парень» написана обо мне... Незадолго до войны моего отца-журналиста направили на работу в Хабаровск. Мы не успели к нему выехать, так как началась война. Маме с двумя малышами – сестра Светлана была чуть старше меня – пришлось туго.

Звезды футбола Валерий Воронин и Виктор Понедельник

Но помогли мамы родственники, которые, буквально под обстрелами фашистских танков, сумели посадить нас на товарный поезд, отправлявшийся с заводским оборудованием из Таганрога в Тбилиси. Стояла суровая даже для этих мест зима 1942 года. Поезд медленно под бомбежками фашистов полз на юг. Частенько на остановках нас, детей, водили прямо к паровозу, чтобы мы хоть немного отогрелись в кабине машиниста. И вот, наконец, Тбилиси. Четыре года мы прожили в этом гостеприимном городе. Мама с утра до ночи работала медицинской сестрой в госпитале. И мы были предоставлены сами себе. Именно тогда я с двоюродным братом Олегом и местными ребятами приобщился к футболу. Мы босиком гоняли маленький резиновый мяч по Плехановской улице. Баталии продолжались по несколько часов кряду. Ходили мы и на близлежащий стадион «Динамо». Часто приходилось слышать:

мальчишка начинает играть в футбол тогда, когда ему даже думать об этой игре запрещают. Всем нам запрещали. Всех нас ругали за порванные штаны и вдрызг разбитые ботинки. Время ведь было очень трудное. Не только не было одежды, иногда и поесть нельзя было вдоволь. Но мы играли самозабвенно и азартно. Простые мальчишки. Мы были полны такой неумолимой жажды играть, что остановить нас не было никаких сил».

Именно там, на тбилисском стадионе, Виктор впервые вживую увидел футболистов и постепенно узнавал их фамилии: Пайчадзе, Джеджелава, Бердзенишвили, Гагуа, Бережной, Панюков, Харбеда... Мама с дежурства приходила поздно, у мальчишек было полно свободного времени, и они все время проводили на стадионе. Иногда прокрадывались на поле, чтобы поиграть с настоящим кожаным мячом. Часто поднимались на озеро Лиси, играли, а потом срезали камыши и тащили до-

В 1996 году Виктор Понедельник специально прибыл в Тбилиси на 60-летие великого Славы Метревели

мой – сколько могли поднять. Утром выходили на проспект Руставели и продавали. На вырученные деньги покупали мороженое, ходили по кинотеатрам – «Руставели», «Амирани», «Октябрь»... Ни одного фильма не пропустили. Самыми любимыми были «Серенада солнечной долины», «Джордж из Динки-джаза», «Девушка моей мечты». Но чаще всего, вспоминает Понедельник, они смотрели картину «Георгий Саакадзе», с восторгом наблюдая за тем, как герои бьются на мечях.

В Тбилиси же Виктор пошел в школу, хорошо выучил грузинский язык. А в конце 1946 года их разыскал отец. Мальчик не хотел уезжать – за эти годы он словно сросся с городом, Тбилиси стал для него родным. Здесь у него появились верные друзья, здесь он влюбился в футбол и, между прочим, здесь увидел и первую международную встречу между «Динамо» и «Партизаном» из Белграда – какие-то добрые дяди провели мальчишек-безбилетников на стадион.

Какое-то время Понедельники жили в Кишиневе – отца направили на работу в редакцию газеты «Советская Молдавия». А затем вернулись в Ростов, где Виктор поступил в Военно-инженерное училище. Правда, до офицерского звания не дослужился, хотя и играл в армейской команде. Но зато окончил пединститут, а потом аспирантуру философского факультета Ростовского университета.

Сначала он выступал за «Ростсельмаш», потом за СКА. В 1958 году был приглашен в сборную СССР и стал вторым спортсменом после бакинца Юрия Кузнецова, которого пригласили в главную команду страны из команды класса «Б».

Сбор перед чемпионатом мира проходил в Китае. Тренеры много занимались с молодыми Месхи, Метревели, Гусаровым, Фалиным, Понедельником, но в Швецию Виктор не поехал – получил тяжелую травму на матче в Ярославле и надолго выбыл из строя. Потом пришлось перенести операцию на колене. А

кроме того, в юности он переболел ангиной, и каждую весну ему было трудно не только тренироваться, но и просто дышать из-за астмы. Поэтому к сезону он практически не готовился. Но Гавриил Качалин и Андрей Старостин все равно взяли его в сборную в 1960 году. В подмосковном доме отдыха «Озерки» команда готовилась к розыгрышу Кубка Европы, но ее врач Алексеев не часто выпускал на улицу Виктора, которого мучила астма. А лекарство от астмы в то время было одно – кололи хлористый кальций. Понедельник даже не раз терял сознание...

Сыграть в сборной вместе с Эдуардом Стрельцовым ему не довелось: «Это была не только моя мечта, но и Качалина со Старостиным, которые хотели сделать из нас со Стрельцовым сдвоенный центр, а неподалеку должен был играть Валентин Иванов. Но Стрельцов попал в тюрьму, а по возвращении из заключения ему несколько лет не разрешали играть в сбор-

ной — он был невыездным»... Понедельник вспоминал слова известного судьи Николая Латышева о том, что сборной нужны такие центрфорварды, которые могут забить гол в самые решающие минуты. Тогда Виктор не мог себе представить, что в будущем таких минут у него будет множество.

Свой самый главный гол Понедельник забил в 1960-м в финале Кубка Европы на парижском стадионе «Парк де Прэнс». Гол достался с трудом. В дополнительное время югославы отбивались из последних сил. «Надо их дожать», — кричал Виктор Мише Месхи. И дожали. Комбинацию начал Яшин, который рукой выбросил мяч в середину поля, мяч подхватил Юрий Войнов и отдал рванувшему по краю Месхи, тот ушел от защитника, накинул мяч в центр штрафной... Слово — Понедельнику: «Единственное, что я успел себе пожелать — чтобы

мяч попал мне точно в лоб... Я даже не видел, куда он полетел, потому что сразу был срублен под корень югославскими игроками». Весь матч, по словам Валентина Бубукина, «Витьку колотили и сзади, и спереди, и сверху, и снизу». Вообще, ему всегда доставалось — поэтому и надевал аж четыре щитка, защищая ноги и спереди, и сзади.

Так, на 113-й минуте встречи с югославами Понедельник стал знаменитым, а на родине героя — в Ростове-на-Дону — люди были готовы поставить ему памятник выше всех гранитных Ильичей. Еще Виктору запомнилось, как после победы в гостиничный номер к руководителям сборной отправилось несколько «ходовков» с просьбой прибавить премиальные. Некоторые футболисты нынешнего поколения в этом отношении ведут себя иначе — бывает, что и ультиматум ставят: либо увеличивайте премиальные, либо мы не едем

на чемпионат. А они, «шестидесятники», попросили прибавки только после победы.

Да, игра с югославами сложилась непросто — в то время у СССР отношения с лидером Югославии Тито были хуже некуда. За победу «югам» обещали собственные дома с участками, машины, какие-то немислимые по нашим понятиям деньги. Понедельника потом часто спрашивали, наградили ли вас за победу «Победами»? «Наградили, — обычно отвечал он, — но вручить забыли».

А после был торжественный обед в ресторане Эйфелевой башни. Там произошел любопытный эпизод. Президент мадридского «Реала» Сантьяго Бернабеу обратился к футболистам СССР: «Я понимаю, что это невозможно, что вы связаны со своими клубами большими контрактами, но все же не могу не пригласить вас лично. В любое время я буду счастлив

27 апреля 1962 года сборная СССР перед матчем со сборной Уругвая — И. Численко, М. Месхи, Э. Дубинский, А. Масленкин, В. Иванов, А. Мамыкин, Г. Чохели, В. Понедельник, В. Воронин, Л. Яшин, И. Нетто

видеть вас в своей команде». И он назвал пятерых: Льва Яшина, Валентина Иванова, Славу Метревели, Мишу Месхи и Виктора Понедельника. И это в то время, когда в «Реале» играли Альфредо ди Стефано, Ференц Пушкаш, Раймон Копа, Франсиско Хенто и другие звезды мирового футбола! Представляете себе такой вариант сегодня? Но тогда наши футболисты не могли и заикнуться об этом – рядом всегда находился офицер в немалом чине. Сделка века не состоялась.

В конце 1960-го Понедельника под конвоем увезли в ЦСКА (не в казарму, конечно, а в команду). Дали «генеральскую» квартиру у метро «Сокол». По этому поводу в Ростове-на-Дону проходили настоящие митинги – с битьем витрин, переворачиванием машин и всем остальным «джентльменским» набором. Когда же Кремль вернул Виктора Ростову, то от вокзала до дома люди пронесли его на плечах. Символично и то, что в «Ростове-папе» («мамой», как известно, была Одесса) Понедельника называли... «папой».

В ноябре 1961 года сборная

СССР в статусе чемпиона Европы отправилась в турне по Южной Америке. Первый матч – в Буэнос-Айресе со сборной Аргентины. Говоря откровенно, руководителей делегации волновал один вопрос – сумеют ли футболисты за короткий срок приспособиться к климатическим условиям Аргентины? За день до игры стояла буквально тропическая жара, воздух был перенасыщен влагой. Но ночью холодные ветры, прорвавшиеся из Патагонии, принесли с собой ливень, а вместе с ним и прохладу. Аргентинцы даже чемпионов мира – бразильцев на своем поле никогда в грош не ставили. А тут приезжает по сути никому в Аргентине неизвестная команда. За неделю до встречи аргентинцы разгромили сборную Испании во главе с великим Альфредо ди Стефано – 4:1. И газеты всю дискутировали о том, сколько же мячей (5 или 6) они «загрузят» в ворота сборной СССР.

План игры, предложенный тренерами, нашел отличных исполнителей в лице Метревели и Месхи. Быстрые и техничные,

они то и дело прорывали оборону хозяев поля, создавая угрозу их воротам. И когда на 24-й минуте Месхи, обведя защитника, двинулся в очередной рейд к воротам, на него был вынужден пойти еще один аргентинец. Незамедлительный пас освободившемуся Понедельнику. Удар! Мяч в сетке – 1:0. Через две минуты после того, как Метревели отдал мяч в центр, где освободился Понедельник, тот сделал великолепный прыжок, получился красивый удар, и счет стал 2:0. В конце игры хозяйка отквитали один мяч.

И тут сотни болельщиков бросились штурмовать окружающую поле сетку из колючей проволоки и заполненный водой бетонный ров. Уже на газоне самые отчаянные из них, исцарапанные, в разорванной в клочья одежде, вступили в схватку с полицейскими и их овчарками. Понедельник вспоминал: «Такого не представишь, не пережив такой передрыги! Эти обезумевшие фаны рвались к нам. Мы инстинктивно сбились в кучку, изготовились отбиваться. Но когда они нас все-таки окружи-

1 июля 1961 года сборная СССР перед матчем со сборной Норвегии – М. Месхи, С. Метревели, В. Иванов, А. Масленкин, В. Понедельник, Г. Чохели, В. Воронин, Н. Манюшин, А. Медакин, В. Маслаченко, В. Бубукин

В Южной Америке по достоинству оценили этот гол, забитый В. Понедельником в ворота сборной Аргентины

ли, мы увидели, что их лица светились радостью! Вопя: «Браво, русос!», они принялись срывать наши футболки, вымазав при этом каждого из нас кровью — из своих порезов и ран. Подоспевшему полицейскому подкреплению удалось выдавить футболистов в подтрибунный тоннель. И там уже полицейские довершили наше принудительное раздевание. Раздирая на кусочки остатки красных футболок, стражи порядка рассовали их по карманам, приговаривая: «Каро сувенир!» На следующий день первые полосы газет пестрели фотографиями матча и

убийственными для хозяев заголовками. Содержание одного из комментариев Понедельник запомнил почти дословно: «То, что оказалось не под силу нашим хваленым футболистам, могла бы сделать разве что доблестная аргентинская полиция, — издевалась газета. — Арестовав их центрфорварда Понедельника еще до матча, мы бы, конечно, напоролись на скандал, но избежали бы национального позора». Оставшиеся две игры со сборными Чили и Уругвая советская команда также выиграла и в отличном настроении возвратилась домой.

Сегодня, когда все с восхищением говорят о забитых «через себя» голах Зидана, Роналду и других мастеров большого футбола, нужно припомнить — шестьдесят лет назад такое с блеском демонстрировал выдающийся мастер футбола Виктор Понедельник, человек, которого в Грузии всегда встречали с любовью и называли «грузинским казаком». И очень приятно, что в настоящее время в Ростове готовится к изданию книга о Викторе Владимировиче, а ее автор — наш земляк, уроженец Телави Симон Кенкишвили.

*Роберт Манукян:
«Самый любимый и самый лучший
спектакли у меня еще впереди»*

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

■ Нелли СКОГОРЕВА

Так совпало, что с нашим сегодняшним героем мы учились в одной школе, жили на одной улице в Тбилиси, но не были знакомы. Первое его театральное впечатление было связано со спектаклем Тбилисского оперного театра, где всю жизнь служил мой отец. Его мама работала в Доме офицеров на проспекте Руставели, где я в течение 12 лет играла в народном театре. В 1999 году он в костюме Деда Мороза фотографировался с моим маленьким сыном... И при всем этом мы все еще не были знакомы! А познакомились всего несколько лет назад, в Москве, через Фейсбук, когда обнаружилось, что мы учились в одной школе, жили на одной улице и т. д. Познакомились и поняли, что мы из одного «теста» – тбилиско-московского замеса. Чем и гордимся.

Итак, мой собеседник – режиссер Роберт Манукян.

Он коренной тбилисец. Служил актером в театрах Еревана и Тбилиси. Окончил режиссерский факультет Тбилисского института театра и кино им. Ш. Руставели, мастерскую Лили Иоселиани. Работал режиссером-постановщиком в Тбилисском государственном армянском театре им. Петроса Адамяна, главным режиссером в Государственном театре киноактера и режиссером-постановщиком в «Театре Сергея Безрукова» в Москве, главным режиссером в Хабаровском краевом музыкальном театре, худруком в Хабаровском краевом театре драмы, режиссером-постановщиком в Краснодарском академическом театре драмы им. М. Горького. С 2021 года – главный режиссер Калужского областного театра драмы.

– Роберт, в детстве ты очень успешно занимался шахматами, танцами, игрой на гитаре, ходил в театральную студию, даже в математике преуспел. Столь разносторонне одаренному человеку, наверное, трудно выбрать свою стезю? Как ты дошел до жизни такой – режиссерской?

– Трудно не было. Потому что где-то с шести лет я уже знал, что стану актером. Дело в

том, что я жил в Тбилиси на улице Грибоедова, и с четвертого этажа нашего дома была видна крыша Оперного театра, и это был самый первый театр, который я посетил. Мы с бабушкой и сестрой были на детском спектакле. Когда открылся занавес, заиграла увертюра, а потом персонажи в красивых костюмах начали петь и танцевать, моя душа устремилась к ним. И мне захотелось не созерцать все это действие, а быть там, с ними, где свет и все так празднично и необычно. Вот так эта «бацилла» в меня и попала, и я уже не мечтал быть ни космонавтом, ни летчиком, а только актером. И уже исподволь готовил себя к этому. А режиссура уже пришла позже – как продолжение и дополнение к актерскому мастерству.

– Значит, всем остальным ты занимался для общего развития?

– В Доме офицеров, где работала моя мама, была шахматная секция, куда я и попал. Там же были и танцы, и детская театральная студия... Ты ходила в народный театр, я – в студию. А шахматы, кстати, до сих пор очень люблю.

– Нашим народным театром руководила Фатима Джафаровна Балашова. У нее было указание «сверху»: ставить спектакли на военную тематику, но иногда удавалось ее уговорить на русскую классику, и мы ставили Островского, например. У меня остались очень приятные воспоминания. А кто у вас был руководителем студии?

– Актер ТЮЗа Вячеслав Михайлович Торгунаков. Он ставил с нами спектакли на школьную тематику – произведения, которые проходили в школе. Это очень помогало нам, детям, в освоении классики. В здании Дома офицеров – в стиле модерн, с красивыми лестницами, балкончиками – я проводил весь день, тем более что это было в пяти минутах от дома. Счастливое время! В Доме офицеров работали кинотеатр, скульптурная мастерская, кипела бурная творческая жизнь: концерты, спектакли, творческие встречи с

известными актерами Этушем, Яковлевым, Мироновым, Папановым... Я ходил на все!

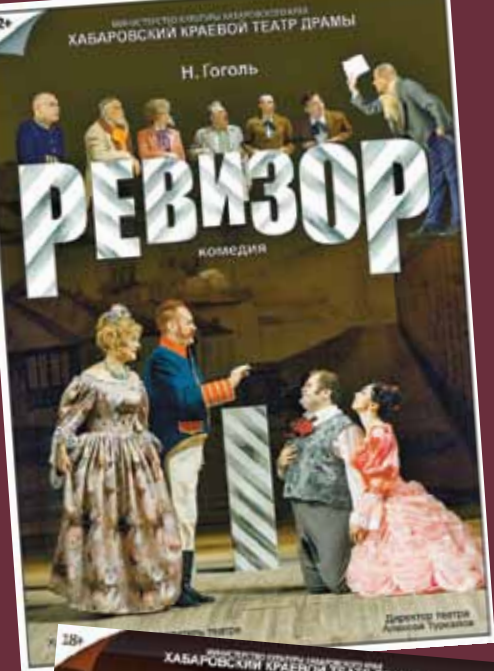
На Новый год в прекрасном зеркальном фойе Дома офицеров ставили елку. И в новогодней интермедии вокруг елки я исполнял роль Нового года. На утреннике объявляли: «Встречайте Новый год!» Я выходил в красном костюме, шапке с надписью «1972 год», в руках – флаг, и говорил: «Я Новый год – год мира и труда!». А еще там была шикарная столовая, где очень вкусно готовили. Один зал предназначался для офицеров, а в другой мог прийти пообедать любой человек. На столе лежало распечатанное на машинке меню. Подходили официанты. Мне это очень нравилось – я, ребенок, сижу и делаю заказ. Чуть выше Дома офицеров находился клуб Дзержинского, я туда ходил в секцию игры на гитаре. И все было рядом, все благоприятствовало моему развитию. Вообще, мы с тобой счастливые люди, потому что родились и жили в центре города. А если бы росли на городской окраине, думаю, не все получилось бы так складно.

– В твоём послужном списке порядка 70 работ. В основном русская классика. Почему ты так тяготеешь к классике?

– Во-первых, я люблю классику – западноевропейскую и особенно русскую. Во-вторых, современная драматургия меня как-то «не цепляет». А в 70 моих работ входят и театрализованные представления, и шоу, и фестивали, которые я ставил. Собственно драматических спектаклей – около 50-ти.

– Можешь назвать свой самый лучший спектакль и самый любимый?

– Самый любимый и самый лучший спектакль у меня еще впереди. Понимаешь, то, что я сделал вчера, мне, как правило, не очень нравится. Например, в Калужском театре сейчас идет спектакль «Горе от ума», и он становится все лучше с каждым показом. Но я стараюсь больше его не смотреть, потому что мне все время кажется, что я что-то сделал не

так, не то. Я поставил его полгода назад, время прошло, сегодня я уже по другому что-то придумал бы. Поэтому я не люблю смотреть свои спектакли. Но это необходимо, чтобы следить за спектаклем и постоянно корректировать.

– А при подготовке спектакля, наверное, важно вовремя поставить точку?

– Когда ты репетируешь, ты распределяешь свои силы так, чтобы успеть к сроку. Но, как обычно говорят все режиссеры, «вот еще бы недельку, и было бы еще лучше». Последней недели всегда не хватает. А я привык работать с опережением графика, чтобы в процессе какие-то вещи доделать, отшлифовать, почистить.

– Режиссеры зачастую не любят смотреть работы своих коллег. По разным причинам. Ты смотришь чужие спектакли?

– Конечно. Мне абсолютно это не мешает. И потом, я никогда не злорадствую, если вижу откровенно плохой спектакль, я переносу это на себя, рефлексую, может, уйти из профессии, раз уже такие спектакли появляются... А если вижу интересную постановку, то чувствую большую радость за свой режиссерский цех. Смотреть надо, потому что режиссер должен быть не только начитанным, но и «насмотренным».

– У тебя есть любимые современные театральные режиссеры?

– Мой педагог Валерий Владимирович Фокин, которому 76 лет, - один из лучших режиссеров современности. Он ставит замечательные спектакли. Я ведь после Тбилиси приехал в Москву и учился в магистратуре, организованной Центром имени Мейерхольда и Школой-студией при МХАТ имени Чехова на курсе Фокина. Эта магистратура была предназначена для режиссеров стран СНГ и Балтии. У нас были мастер-классы, мы ездили в Японию, Грецию, изучали биомеханику Мейерхольда. У Фокина я защитил магистерскую диссертацию на тему «Всеволод Мейерхольд. Путь к актерской педагогике. От студии на Повар-

ской – к биомеханике».

– По-моему, ты еще и преподавал?

– Да, я занимаюсь педагогикой с 1995 года. Мне нравится преподавать, у меня есть контакт со студентами. В Тбилисском институте театра и кино у меня был целевой актерский курс для армянского театра имени Адамяна. В последнее время преподавал в Московском государственном институте культуры, на кафедре режиссуры театрализованных представлений. Помню, на первом же занятии сказал: если не хотите ходить, то не ходите, три балла я всем поставлю, пусть приходят те студенты, которые действительно хотят от меня что-то получить в профессии. Представь себе, все ходили. В киношколе Александра Митты преподавал и актерское мастерство, и режиссуру. Время от времени приглашают меня на мастер-классы, где я в основном занимаюсь семинаром «работа режиссера с актером в кадре», поскольку я снимал сериал как кинорежиссер, и мне эта тема хорошо знакома.

– Кстати, как у тебя складываются отношения с кино?

– Для меня это хобби. Приглашали – снимался. Но чтобы чего-то реально добиться в кино, надо все бросить и заниматься только им. То же самое в отношении кинорежиссуры. Как-то знакомый продюсер предложил снять небольшой сериал. Для меня это был дебют, первый опыт, и я сначала отказывался, а потом все-таки решил попробовать. В итоге опыт получился удачным, я изучил профессию кинорежиссера на практике, ведь режиссура кино отличается от театральной.

– Как называется твой сериал?

– «Снег растает в сентябре». Четыре серии. Можно посмотреть в интернете.

– Что тебе больше по душе – российское кино, западное или Голливуд?

– Пожалуй, все-таки западное. Оно более качественное в плане постановки кадров, рабо-

ты актеров, оператора, режиссера. В российском кино, наверное, есть хорошие фильмы, но я их очень мало смотрю. Я люблю французское кино 70-80 годов, а после, на мой взгляд, качество все больше страдает.

– Ты приехал в Москву в возрасте 38 лет. Кем ты себя считаешь на сегодняшний день – тбилисцем или москвичом?

– Конечно, тбилисцем! Москвичом можно себя считать, если родился в Москве, если ты москвич во втором или третьем поколении. А я родился в Тбилиси. Много ездил по работе – Владивосток, Хабаровск, Краснодар, Калуга... Я могу назвать себя столичным жителем, поскольку живу в Москве.

– Тогда перейдем к самой приятной части нашей беседы – о Тбилиси. У тебя там мама, дочь, внучка, сестра, племянницы. Какие чувства ты испытываешь, когда приезжаешь в Грузию? Я, например, каждый раз плачу в тбилисском аэропорту – и прилетая, и улетаю...

– У меня замечательные ощущения! Естественно, в первую очередь – от встреч с родными. Потом обязательно захожу в Грибоедовский театр,

куда я пришел в 25 лет и оказался самым молодым актером в труппе, где меня очень тепло приняли, где я вырос как актер. Люблю Армянский театр – там я проявил себя как режиссер, сделал свои первые шаги в этом качестве. Очень люблю эти два театра. У меня прекрасные отношения с директором театра Грибоедова Николаем Свентицким, я дружу с художественным руководителем Автандилом Варсимашвили, а с худруком Армянского театра Арменом Баяндуряном, который пригласил меня в качестве режиссера в 1995 году, мы очень большие друзья. В Тбилиси я ставил спектакли еще в трех театрах – в театре Царского подворья, «Театральном подвале» и Театре одного актера имени Верико Анджапаридзе, где мы с Темуром Чхеидзе поставили моноспектакль с участием Софико Чиаурели.

– В Калужском драматическом театре ты поставил спектакль еще 17 лет назад. Как ты себя там чувствуешь в качестве главного режиссера?

– Очень хорошо. Замечательный театр, творческий директор, который меня отлично принял, талантливая труппа, с

которой легко работать.

– С удивлением узнала, что сейчас ты ставишь спектакль «12 стульев» по своей инсценировке, и премьеры уже вот-вот. В театре это произведения ставили нечасто, при том, что в кино было несколько экранизаций.

– Кино и театр в корне отличаются друг от друга, поэтому я не боюсь сравнения с фильмом «12 стульев» – у меня свое, оригинальное решение спектакля.

– А тебе не хотелось сыграть главного героя? Ты как-то назвал себя Остапом Бендером.

– Нет, я режиссер. Мое место – в зале. У меня вообще нет такого желания, потому что во время репетиций ты показываешь актерам какие-то вещи, и сам можешь прочувствовать и проиграть все эмоции, удовлетворить свое актерское «эго». Зачем самому играть главную роль, если в труппе есть хорошие актеры? Это неправильно. Другое дело, что в самом конце спектакля я все же сыграю маленькую, всего на две минуты, роль, и это будет роль Сталина.

– Ух ты!

– Да. Не хочу спойлерить, в какой связи появляется Сталин. Приезжайте, смотрите!

– Ты человек не только творческий, но и предприимчивый. Сам рассказывал, что в отсутствии работы приходилось бегать, что-то перепродавать, зарабатывать. Сейчас тяжелые времена для театра, и некоторые для привлечения зрителей приглашают очень популярных телеведущих, певцов. Ты по-

шел бы на такой шаг?

– Я решительно против того, чтобы к работе в театре привлекали непрофессиональных людей, которые не понимают, что такое театр. Даже если человек окончил театральный институт, это не значит, что он уже стал актером. Нужны годы, чтобы ощутить себя в профессии уверенно. А до того все время сомневаешься. Мне, например, понадобилось десять лет, чтобы понять – да, я, наверное, все-таки режиссер.

Поклон с артистами на премьере «Женитьбы Фигаро»

– И сейчас сомневаешься?

– Конечно. В выборе пьесы, артистов, в ходе репетиций. Но это и хорошо – не дает забронзоветь и перестать быть интересным самому себе.

– Если бы была такая возможность, ты хотел бы прожить свою жизнь по-другому, – хотя бы ради интереса?

– Меня моя жизнь вполне устраивает. Какой будет другая, я не знаю, а свою знаю, со всеми своими радостями, про-

блемами, особенностями.

– Чего ты в жизни боишься?

– Потерять близких мне людей.

– О чем мечтаешь?

– О хорошем спектакле, поставленном мною.

– Мне кажется, ты не очень любишь давать интервью?

– Да, это так. Но сейчас – совсем другое дело. Ведь нас связывает наш любимый город Тбилиси.

■

КАК ЖЕНЩИНА МОЖЕТ ИСПРАВИТЬ ПОГОДУ

Ирина ПАРОШИНА

О себе: руковожу отделом аналитики, пишу тексты и песни, дрессирую японских собак.

АНГЛИЙСКОЕ

Дождь прямо с утра и по сей час. Зябко, мерзко. Как женщина может исправить погоду? Ну, понятно же, надо сделать вид, что так оно и ожидалось, а мы во всеоружии.

Надела зеленую поношенную куртку Barbour (в королевской семье Англии очень ценят именно такие поношенные, вощенные барбуры, еще их уважают английские бомжи). Утиные башмаки, внизу – резина, сверху – кожа, внутри – войлок, хоть действительно по болотам иди за утками. Где-то дома лежит шерстяное клетчатое кепи от того же Barbour с чудесным заливчатским пером. Искать было лень, но в моих мыслях оно все равно довершает образ. Да, именно так должна выглядеть настоящая английская леди, отправляясь на охоту по туманным болотам с верными охотничьими собаками.

Две охотничьи собаки на бодрое «гулять!» не отреагировали вообще. Дома – плед, коврик, моя чистая кровать, в конце концов. А на улице – лужи. А у сиб – лапки. Какие еще утки, вы что,

Рука не поднимается уложить чудесные крохотные произведения Ирины Парошиной в жесткое прокрустово ложе жанра. Заметки, зарисовки, миниатюры? Пост в социальной сети? А может, вы подсели к Ирине за маленький столик в кафе попить горького кофе без сахара, или на скамейку в парке – перекурить, или шагаете рядом (если получится – в ногу), когда она выгуливает своих собак, и она – запросто, как доброму приятелю – рассказывает вам, что заметила, о чем подумала, что вспомнила? И делает это так ярко (фотохудожник), без лишних слов (математический склад ума), тонко (поэт), иронично (доминирующая черта характера) и стильно (женщина со вкусом), что ее рассказы становятся литературой. Читать их – одно удовольствие. А еще – они оставляют живое, светлое послевкусие. Так бывает всегда, если повезло пообщаться с талантливым человеком или прочесть отличный текст. Убедитесь сами.

Нина Шадури

мамо? Нет, физиологические потребности можно завтра. В смысле, дождь еще две недели?

Английская леди задумчиво тащила по улице двух маленьких ишаков на шлейках. Ишаки упирались, брезгливо отряхивались и глядели с выразительным упреком. Оживились, только когда свернули к дому, а в квартиру вошли уже гоголем – хорошо, мол, потрудились. Сразу ушли су-

шить ноги в чистую кровать.

Хорошо хоть шляпу с пером не надела.

ЛИТЕРАТУРА

Почему-то считается, что детские стишки должны быть добрые и дебильноватые – так, чтобы взрослые в процессе чтения глядели свысока и с умилением. Строчки надо коротенькие, чтобы

Галатская башня. Фото Ирины Парошиной

бодро читать по слогам. Иначе дети ничего не поймут и устанут, они же примитивы.

Не знаю. Мой сын на собеседовании перед школой рассказывал «Ананасы в шампанском». Не то чтобы он тонкий ценитель поэзии, просто стишок такой прикольный.

А у меня в дошкольном возрасте был Лермонтов в свободном доступе на нижней полке, я и читала. Серая такая, замызганная книга. Что я там понимала? Да все что читала, то и понимала. «Из каждой радости, бояся пресыщенья, Мы лучший сок навеки извлекли». В четыре года мне суть написанного была вполне очевидна: я, например, в яичнице-глазунье всегда сразу съедаю вкусный желток, а белок уже после и не хочется вовсе. Радость от яичницы сокращается до радости от желтка! Вот об этом и писал великий поэт.

И с высоты своего взрослого восприятия я этой детской интерпретации даже не улыбаюсь. Нормально все. Какая, собственно, разница какой там личный опыт у вас в башке животрепещет в ответ на великое

стихотворение? Оно тем и великое, что успешно ляжет на любую картину мира.

И в четыре года тоже.

МУДРОСТЬ

«А вот зуб мудрости придется удалить», – сказал стоматолог, глядя на панорамный снимок моей челюсти.

Нормальная фраза, если бы я еще пару лет назад не удалила зубы мудрости – все четыре оптом. О чем и заявила победоносно.

Врач пересчитал внимательно и сказал, что вот же он, восьмой по счету. Я сказала, что с памятью у меня все в порядке.

Врач на секунду усомнился в себе и позвал коллегу. Коллега тоже умел считать до восьми и сказал, что оставшийся зуб – истинная мудрость, хоть и с кариесом. Я снова не поддавалась групповому врачебному авторитету.

Сомнения разрешил третий эксперт. Покопавшись у меня во рту, она пришла к заключению, что зуб мудрости у меня действительно существовал и был удален

– девятый по счету. И еще один зуб мудрости, восьмой, ждет своей очереди. А всего их было, значит, как минимум тридцать три.

Все не как у людей.

Зато мудрая.

СТАМБУЛ

Чайки за окном то озлобленно гавкают друг на друга, то скулят опять же совсем по-собачьи, то плачут, как дети, то стонут, как девы легкого поведения. Весь этот курятник замолкает далеко за полночь. Из окна нашей предыдущей гостиницы можно было наблюдать, как они кружат в столпе прожектора над Голубой мечетью. Из нынешнего окна нет романтического вида, остается довольствоваться звуковой составляющей.

В целом они не наглые, как в Риме. Там они кидались за каждой брошенной сигаретой, чипсы в руках заранее считали законной добычей и позировали на камеру, надеясь, что не задаром. Чайки в Стамбуле иногда сопровождают прогулочные корабли, но редкая долетит до середины Босфора. В целом они гораздо

больше заняты разбирательствами друг с другом, нежели охотой за туристами.

По утрам в турецких кофейнях аврал. Огромный поток людей проходит сквозь них и рассыпается по офисам, мастерским и куда-то еще, сметая по дороге ароматную горячую выпечку. Утро мы встречаем в Мармара кафе. Оно расположено в подворотне на улице, дождь капает с навесов мимо мягких скамеек. Публика настолько разная, что ее объединяет только Великий Город.

Впереди нас сидят офисные «воротнички», все трое в белых рубашках и галстуках, все трое смотрят в айфоны. Позади пьет чай полиция в черной непробиваемой экипировке, с крупнокалиберными пистолетами и в роскошных черных шлемах. Если бы Дарт Вейдер пользовался мотоциклом, у него был бы такой же. Рядом стоят их дорогие черные мотоциклы, очень большие. Хозяин кафе с 2015 года помнит, что мы пьем кофе без сахара.

Раньше турок просыпаются только турки, которые готовят еду для турок. Для туриста же глав-

ное – проснуться раньше других туристов. Тогда есть шанс попасть на распродажу истинной еды, а не выставочной.

Например, мясной бурек. Не знаю, как описать... Вот вы представляете, например, бакинскую пахлаву – тающую во рту, нежную, жирную и сочную? Теперь отвлекитесь от мысли о сладком, оно вредно, и представьте, что пахлава начинена мясом. Это и есть бурек.

Бурек в Hafiz Mustafa 1864 готовят часов до 8 утра, и разбирают его на лету. В половине девятого еще можно встретить пирожки, тоже очень вкусные, но бурек уже не найти. В 9 утра прилавки заставлены лишь разноцветными сладостями, столь милыми оку фотографа. Турки вежливо улыбаются, когда мы их покупаем, но в глазах у них читается презрение рабочего человека к праздному.

Под окном отеля живет попугай в клетке. Серый, умный и изрядно линялый. Я не понимаю, почему он еще не кричит по-чаячьи, с учетом того, что чайки затыкаются максимум на три часа перед рассветом, и то в это

время орут кошки. Зато с утра попугай сказал мне «хеллиоу!» очень чистым и вняттым турецким голосом. Мне даже показалось, что сейчас он продаст мне сувенирчик.

ТРЕВОЖНОСТЬ

Как исключительно тревожное существо, я терпеть не могу покупать красивую посуду. То есть посуда еще стоит на полке в магазине, а я уже переживаю, что она разобьется. Если я ее все-таки беру, первая радость покупки испорчена этими переживаниями на несколько дней. Вот как взгляну – так огорчусь и представлю красивые осколки на полу. Потом восхитительная вещица успевает примелькаться, эмоция тревоги переходит в «разобьется – ну и черт бы с нею», и посуда живет долго и счастливо (не так уж часто мы на самом деле бьем чашки). Но радости-то все равно уже нет!

Но вот случилось действительно редкое приобретение. Представляете, радовалась с первой минуты. Купила на днях новый заварочный чайник.

Чугунный.

Чайки ругаются. Фото Ирины Парошиной

Одна из улиц Уплисцихе. Ведет к храму. Фото Ирины Парошиной

СОБАКИ

Первый визит в Бакуриани. Январь.

Патрик часами стоит у окна и созерцает падающий снег.

Урсула выкопала из-под сугроба один замерзший хинкали.

Это все, что надо знать о характере моих собак.

КУРЦХААР

Мы чуточку задержались по дороге домой, и на поле вылетел юный курцхаар без поводка. С хозяином мы всегда приветливо здоровались (как минимум до сегодняшнего дня).

– Ура, собачка! – обрадовался Патрику курцхаар, в веселую голову которого вообще не приходило, что с собаками можно делать что-то кроме как играть, и стал самозабвенно нарезать красивые широкие круги по полю. Первые три круга он пребывал в убеждении, что себе игра понравилась, потому что тот гнался по пятам, выкладываясь по полной. Было очень весело. Потом курцхаар решил притормозить, и зря. Выяснилось, что имело место некоторое непонимание. Пока курцхаар играл в «а ну, догони», сиба играл в «задуши оленя».

Роль оленя курцхаару не гля-

нулась, поэтому началась буча. В подобных случаях мы с хозяевами больших псов синхронно пугаемся за моего, потому что он втрое легче по весу, а потом, я извиняюсь, за чужие порванные уши – Патрик тот еще д’Артаньяна кусок. Но сегодня обошлось, вовремя наступила на десятиметровый поводок.

– Нельзя так, зараза, – объясняла я Патрику.

– Он же первый начал! – объяснял хозяину курцхаар.

– Стара я за оленями гоняться, – заискивающе сказала Рыжа откуда-то у меня из-под руки.

БУБУ

Овчарка Бубу – собака громоздкая и страшная. Но у него есть понятия справедливости, простые как три копейки:

1. Патриарх собачьей площадки – Бубу.

2. Подходить надо с учтивостью.

3. Нельзя забирать палку, если она во рту Бубу.

4. Нельзя забирать палку, если она рядом с Бубу.

5. И вообще палку брать никому нельзя.

6. Знакомых Бубу обижать нельзя (Патрик однажды попы-

тался при нем поиграть как умел со спаниелем, получил обидную трепку и на всю жизнь разлюбил овчарок).

7. Маленьких сук обижать нельзя, даже если они нарушают все предыдущие пункты

Маленькая сука Урса все поняла и попала под покровительство. Тем более что бегать за таким тараканом, как она, Бубу открovenно лень.

А вот длинноному курцхаару побегать – синоним слова «счастье». Мелкая шустренькая Урса вызвала в его памяти охоту на зайца в бескрайних грузинских полях. Пойманный заяц верещал, обижался, все записывал в японскую записную книжечку.

Через две недели, отожравшись на килограмм и изрядно осмелев, Урса решила попробовать сама напасть на курцхаара. Удивившись заячьей атаке, тот даже побегал от нее пару кругов, а потом спохватился, опрокинул и схватил за шею.

И через пару секунд сам оказался прижат к земле за горло тяжелой овчаркой. Потому что – пункты 6 и 7.

Маленькая Урса радостно скакала вокруг.

ЗА РУЛЕМ ЧЕРЕЗ ЭПОХУ...

Реваз Чейшвили проводит экскурсию

— Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

В недалеком прошлом, до пандемии, в ходе празднования «Тбилисобы» на Метехском мосту устраивалась ежегодная выставка автомашин советских времен. Она пользовалась большой популярностью: каждому хотелось сфотографироваться на фоне «Победы» или «Чайки». Все эти ретро-машины являются экспонатами Тбилисского автомузея. Несмотря на солидный «возраст» (многие из них выпущены 70-80 лет назад), назвать их старыми просто язык не поворачивается – выглядят они так, будто только вчера сошли с конвейера.

Экскурс в историю

В длинном застекленном павильоне в три ряда стоят великолепно отреставрированные и переливающиеся разноцветным блеском старые автомобили. Директор музея Реваз Чейшвили, знакомя посетителей с экспонатами, рассказывает множество неизвестных фактов из истории советского автомобилестроения. Тбилисский автомузей – единственный не только в Грузии, но и на всем Южном Кавказе. Он был создан на ос-

нове частной коллекции автомобилей грузинского бизнесмена Георгия Мамулашвили, который на протяжении 20 лет собирает эти экспонаты. Все машины отреставрированы деталями заводов-производителей, находятся в рабочем состоянии, их часто арендуют для обслуживания гостей города, туристов, да и местных жителей во время различных праздников в стиле ретро.

«Черный ворон» Берия

Каждая машина, выстав-

ленная здесь, особенна и имеет свою уникальную историю. Автомобиль ГАЗ-М-1, один из символов 30-х годов XX века, хорошо известный как «Эмка». Это первый советский седан, его выпустили в 1936 году на Горьковском автозаводе. Как указано на официальном сайте завода, обозначение «М-1» расшифровывалось как «Молотовский-первый», в честь главы правительства СССР Вячеслава Молотова, имя которого в те годы носил завод. «Стоит отметить, что интерьер машины весьма скромный – обивка из обычного сукна, нет печки, зато уже установлены пепельница и прикуриватель», – сказано на сайте завода. На этих машинах главным образом ездили передовики производства, известные деятели культуры, директора заводов, генералы.

А еще ее использовали чекисты в качестве служебного автомобиля НКВД. «Если ночью к дому подъезжала такая машина, это означало конец той семьи, к которой она приехала. Ее, как и

грузовик-«полторку», называли «Черным вороном». Она похожа на американскую модель «Форд-40», в Штатах на таких машинах ездили гангстеры», — рассказывает Реваз Чеишвили. «М-1» из его музея обслуживала Лаврентия Берия, пока он работал в Грузии, а когда переехал в Москву на должность шефа НКВД, то подарил ее знаменитой актрисе Нато Вачнадзе.

Старейший экспонат музея — ГАЗ-4, первый советский пикап, сошедший с конвейера Горьковского автозавода в 1933 году. В мире осталось только пять таких автомобилей, один из них находится в Тбилиси, остальные четыре — в российских автомузеех. «Могу похвастаться и сказать, что в Московском музее такой модели нет. Она лицензирована от американской модели «Форд А», — с гордостью отмечает Чеишвили.

Волга-Волга

«Волга» ГАЗ-21 предназначалась для элиты Советского Союза, ее выпускали с 1956 по 1970 год. Выставленный в музее экспонат — второго выпуска. Разница между автомобилями первого и второго выпуска только в передней решетке: на пер-

вых стояли две параллельные горизонтальные хромированные линии, а посередине, по требованию маршала Жукова, была укреплена большая звезда. По словам Чеишвили, из-за этого машина плохо шла на экспорт — советская символика мешала продажам. «Через два года решетку поменяли, и машина стала похожа на пасть акулы, она уже стала продаваться в 75 странах мира. На первом и втором выпусках машины на капоте красовалась фигурка оленя. Однако в дальнейшем олень был снят, так как выяснилось, что при авариях с пешеходами олени особенно ранили человека», — объяснил Реваз.

Эта модель «Волги» пользовалась особой любовью советских режиссеров и снималась в нескольких сотнях фильмов. Одной из самых популярных стала картина «Берегись автомобиля» Эльдара Рязанова. Любопытно, что Иннокентий Смоктуновский, сыгравший Юрия Деточкина, совершенно не умел водить. «Обучаться ему пришлось прямо на съемочной площадке. «Волга» ГАЗ-21, на которой Деточкин ушел от погони, та же самая машина, на которой ездил Папанов в «Бриллиантовой руке». Она же

возила героя Ефремова в фильме «Три тополя на Плющихе». Эта машина принадлежит «Мосфильму», для съемок в некоторых картинах ее иногда перекрашивали», — сказано на сайте Горьковского автозавода.

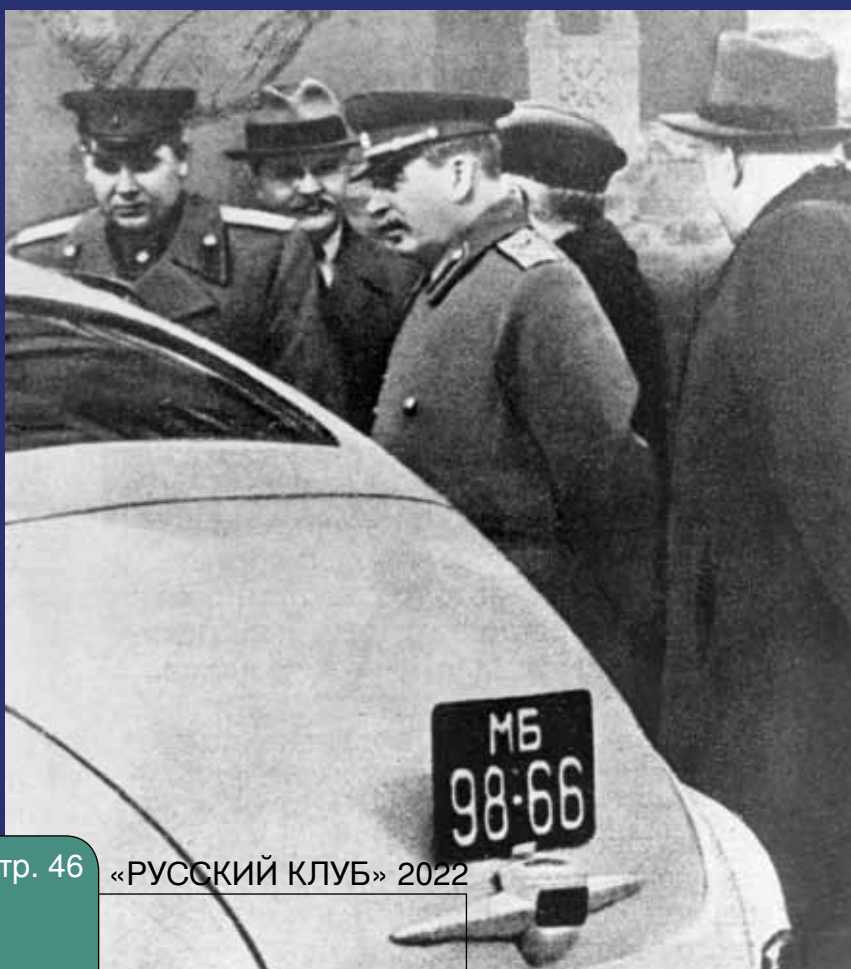
Вот еще одна «престижная» «Волга» — ГАЗ-24. Если человек имел эту машину, он мог сказать, что у него дело «в шляпе». Так как машина стоила очень дорого, у покупателя официально требовали справку о доходах, дабы удостовериться, что объем зарплаты позволяет человеку приобрести такой автомобиль. В продажу «для населения» пускали модели любых цветов, кроме черного: машины этого цвета предназначались только для должностных лиц и высших партийных работников. «Машина обязательно должна была быть черного цвета с красным салоном и черными занавесками. Вот такой у них был машинный дресс-код», — с улыбкой отметил Чеишвили.

«Опель Чичико»

Первый выпуск «Москвича»-401 — точная копия немецкой «Опель Кадетт», ее выпустили в 1946 году. «Опель» и экспериментальная модель «Москвича» были двухдверными машинами. Когда Сталин сел рядом с водителем принимать машину, то сказал конструктору: «Вы тоже садитесь, вместе проверим, как она ездит». Тот сразу понял свой просчет: чтобы человек сел на заднее сидение, сидящий впереди пассажир должен был встать и пропустить его. Конструктор облился холодным потом, он не мог заявить Сталину: «Если вы выйдете, я залезу, а потом вы садитесь», — его бы просто расстреляли. Первое, что сказал Сталин, выйдя из «Москвича»: «Двухдверная машина некомфортна для населения, даю два месяца, чтобы переделали». Конструкторы переделали ее через две недели, из-за чего передние и задние двери у машины открываются в разные стороны. В народе ее прозвали «Опель Чичико» и «Чичико Москвич».

Другая модель «Москвича» — 408 скопирована с немецких BMW. «Начиная с нее, на всех последующих моделях стояли

Иосифу Сталину демонстрируют «Победу»

двигатели от BMW. Нет, не привезенные из Германии – отечественные умельцы разобрали двигатель и собрали точно такой же, а на блоке вместо BMW написали «Сделано в СССР»», – пояснил директор музея. Благодаря мощному двигателю машина была быстрой, маневренной и побеждала на многих международных авторалли. По этой же причине она хорошо продавалась на экспорт. «Москвич»-408 выпустили в двух вариантах, в музее представлена экспортная модель, с четырьмя фарами и кожаным салоном, а в Союзе продавались автомобили с двумя фарами и матерчатый салон. Точно такая же машина «играет» в картине «Бриллиантовая рука», когда герой Юрия Никулина Семен Семенович выпадает из багажника подвешенного к вертолету «Москвича».

«Победа» и кабриолет

Машину ГАЗ-20 «Победа» выпустили вскоре после окончания войны. Это было первое имя собственное в советском автопроме, до этого автомобилям присваивался лишь индекс. Когда ее показывали Сталину, похвастались, что собираются назвать машину «Родиной», на что вождь ответил: «И почему вы собираетесь Родину продавать?» Поняли, что попали в просак, и быстро переименовали в «Победу». Эту модель не любили военачальники, так как из-за низких потолков они со своими папахами еле-еле помещались в салоне. С 1960 года поляки приобрели лицензию на выпуск машины, и долгое время она выпускалась в Польше под названием «Варшава».

Кабриолет парадного типа. В 50-е годы на таких машинах принимали парады на Красной площади. На моделях, предназначенных для населения, боковые рамы и стекла не снимались, только тент выдвигался вручную и накрывал машину. «Союз был единственной страной, где кабриолет стоил дешевле, чем обычная машина, потому что считалось: чем меньше железа, тем машина дешевле. Вот такая «железная логика» у них была в прямом смысле слова», – рассказал директор автомuseя.

ЗИЛ 115, машина Константина Черненко

«Чайка» ГАЗ-14, на которой ездил Эдуард Шеварднадзе

Машина ГАЗ-3Д в продажу не поступала, т.к. была создана исключительно для инвалидов I и II категории, и ее дарили ветеранам Второй мировой войны. Поэтому у машины нет ни одной педали, весь механизм управления расположен у руля и справа от водителя. Машина специально делалась низкой, чтобы человек, лишенный ног, мог свободно в нее сесть. «Тогда хоть заботились об этих людях и машины дарили, а сейчас никто не то что машину, коляску не подарит», – с досадой отметил Чешивили. Эту марку машины в народе прозвали «Моргуновками», потому что на таком авто ездил

знаменитый актер Евгений Моргунов в фильме «Операция Ы»...

«Чайка» для генсека

«Чайка» ГАЗ-13 выпускалась с 1959 года по 1981 год. На ней ездили высокопоставленные партийные чиновники, представители СССР в зарубежных странах. Весь комфорт был рассчитан на сидящих сзади, из-за чего переднее сидение машины было «мертвое» – оно не двигалось, и приходилось нанимать водителей ростом не выше 165 см, чтобы они легко управляли машиной. Зимой автомобиль обогревался только в задней части салона.

ГАЗ-М-1, «Воронек», машина Лаврентия Берия

Находящаяся в музее черная «Чайка» обслуживала Илью II, когда в 1977 году он стал Католикосом-Патриархом Грузии. Рядом с ней стоит такая же «Чайка», только белого цвета, она была собственностью Аслана Абашидзе, председателя правительства Аджарии до «революции роз». Попасть в частные руки просто так «Чайка» не могла, за редким исключением. Например, такие экземпляры достались Фиделю Кастро, писателю Михаилу Шолохову, первой женщине-космонавту Валентине Терешковой – ее позывной в космосе был «Чайка». Примечательно, что списанные автомобили этой марки передавались во Дворцы бракосочетаний и ЗАГСы. Прокат такого авто стоил 50 рублей, и это было дороже, чем арендовать «Волгу». По словам Чеишвили, экспонаты музея и сегодня популярны среди молодоженов: «Часто арендуют автомобили на свадьбы и, согласно нашей статистике, еще ни одну невесту не возвращали обратно, так что у нас счастливые машины».

Черная «Чайка» ГАЗ-14 выпускалась с 1978 года по 1985 год. Изначально она предназначалась для членов Политбюро

и кандидатов в члены Политбюро. Когда Эдуард Шеварднадзе стал кандидатом, ему из Москвы выслали эту машину, и он ездил на ней в бытность первым секретарем ЦК Компартии Грузии. Так как он был кандидатом, а не членом Политбюро, то машина была не бронированная.

Массивная черная машина ЗИЛ-115, выпущенная на заводе имени Лихачева, была создана для первых лиц СССР. Существует всего сто шесть машин этой модели, в музее представлена сто вторая. Она обслуживала генерального секретаря ЦК КПСС Константина Черненко. «Машина в длину 7 м 80 см, весит более четырех тонн, бронированная, колеса пуленепробиваемые, они выдерживают восемь пуль автомата Калашникова, причем после обстрела машина может проехать еще 50 км. Броню не имеют передние боковые стекла, так как, как всегда, насчет жизни водителя и охраны не особо волновались. Для них салон сделали из натуральной кожи, а для генсека – из бархата», – рассказал Чеишвили. Эту машину руководители музея привезли из Москвы.

ГАЗ-12 ЗИМ выпустили в 1949 году для членов Кабинета

министров СССР и первых лиц союзных республик. Это первая советская шестиоконная машина, можно сказать, первый советский лимузин. С 1960 года ее стали выпускать как такси, так как она комфортная и вместительная. Эта машина обслуживала семью Василия Мжаванадзе, первого секретаря ЦК Компартии Грузии. Чеишвили демонстрирует фото, где этот автомобиль снят до ремонта, и вид у него, мягко говоря, непрезентабельный. «Вот в таком состоянии была машина до реставрации. И из такого «гадкого утенка» превратилась не в белого, а в черного лебедя. Нашли мы ее в одном из сел Кахети», – уточнил Чеишвили.

В выставочном павильоне стоит еще одна уникальная машина – «Форд» 1928 года выпуска. Ее приобрели на американском аукционе. Когда автомобиль привезли со своими сопроводительными документами, оказалось, что он участвовал в знаменитой голливудской криминальной драме «Бонни и Клайд» с Уорреном Битти и Фэй Данауэй. В конце фильма главных героев расстреливают, а сам «Форд» врезается в дерево, поэтому машина вся была в следах от пуль, и ее пришлось основательно реставрировать. А уже сегодня грузинские любители гангстерских фильмов могут взять ее в аренду.

По словам Реваза Чеишвили, с целью привлечения туристов руководители музея планируют открыть кафе в корпусе отреставрированного советского троллейбуса.

Однако сказочный экскурс в историю заканчивается сразу же за воротами – дорога, ведущая к музею, находится в плачевном состоянии, проезжая по ней в дождливый день, можно в прямом смысле ударить лицом в грязь. Турист, желающий попасть в автомузей, должен с большим мастерством объезжать огромные лужи. Столичная мэрия обещала вскоре отремонтировать дорогу, и руководство музея надеется, что мэр сдержит свое слово.

В статье использованы фото с сайта Горьковского автозавода и из архива автомузея.

«ТРУДНЫЕ» ПРИТЧИ ТЕНГИЗА АБУЛАДЗЕ

Сосо ТУГУШИ

Философии принадлежит особая роль в многонациональной культуре кинематографа, рожденной усилиями мастеров разных киношкол. Кинематограф представляет живую историю XX века, а его философия объясняет образ ушедшего столетия, жизнь человека в тех экстремальных условиях, которые были созданы кризисными ситуациями алогичного прошлого столетия.

Становление философии кинематографа опиралось на европейскую философскую мысль, в частности, на экзистенциализм. Экзистенциальная философия, став ведущим

направлением философии XX века, быстро стала востребованной в кинематографе после Второй мировой войны. Впервые это проявилось в фильмах конца второй половины 40-х годов, снятых Ингмаром Бергманом. Страх перед реальным миром испытывает Давид, герой ленты «Дождь над нашей любовью» (1946), некоммуникабелен жестокий капитан Блум в картине «Корабль в Индию» (1947), одиночество толкает героиню фильма «Жажда» (1950) Виолу на самоубийство.

Экзистенциальные проблемы, связанные с анализом внутренних тревог, страхов и пере-

живаний личности, нашли свое отражение в фильмах И. Бергмана, Л. Бунюэля, Ф. Феллини, М. Антониони, Б. Бертолуччи, П.П. Пазолини, А. Рене, Ф. Трюффо, Ж.-Л. Годара и многих других режиссеров. Они оказались мыслителями, воссоздав на экране философским языком свое ощущение действительности настолько убедительно, что невозможно найти разницу между их фильмами и художественными произведениями философов (Ж.П. Сартр, А. Камю и др.), которыми гордится европейская мысль.

Не обошел стороной экзистенциализм и советский ки-

Кадр из фильма «Лурджа Магданы»

нематограф в эпоху зрелого и позднего тоталитаризма. Тенгиз Абуладзе был одним из первых, кто, наряду с европейскими мастерами, увидел значимость и смысл экзистенциальных проблем для показа внутреннего мира человека. Он нашел адекватный кинематографический язык для воплощения в художественной форме философских проблем, поднятых европейскими коллегами по творчеству. Однако в условиях существовавшего в СССР режима мастеру было трудно посредством экзистенциализма рассматривать в своем творчестве проблемы бытия.

Несмотря на то, что киноискусство в Советском Союзе долгое время оставалось самым зависимым и официальным из искусств, в эпоху тоталитаризма появились произведения альтернативного характера. Такие художники, как Л. Осыка, К. Муратова, Г. Данелия, Э. Рязанов, Т. Абуладзе и другие, в своих фильмах проявляли особый и неслучайный интерес к абсурдным и невозможным ситуациям. Так, в комедии «Берегись автомобиль» Эльдар Рязанов, по словам киноведа Семена Фрейлиха, «пересматривает всю точку зрения на социализм» и «показывает конфликт положительной личности с отрицательным обществом».

Бытовая драма «Чужие дети» Т. Абуладзе оказалась одной из первых альтернативных картин в советском кино. Лента рассказывает о том, что людей объединяют не социалистическая мораль и не чувство коллективизма, а ужас бытия и страх остаться наедине с собой. Анализируя этот фильм и

Кадр из фильма «Древо желания»

картину «Лурджа Магданы» (режиссеры – Т. Абуладзе и Р. Чхеидзе), советские кинокритики упрекали создателей в подражании итальянскому неореализму и наследовавшим ему кинорежиссерам-экзистенциалистам Ф. Феллини и М. Антониони. Когда «Чужие дети» вышли на экран, то Абуладзе получил ярлык «абстрактного гуманиста» за свои творческие искания, не понятые и не принятые властью эпохи социалистического реализма. Режиссер писал: «Эта простая житейская история показала тогдашнему начальству вызовом... а я просто продолжал свое дело».

С этой ленты во второй половине 60-х годов начало зарождаться авторское кино. Оно стало говорить о себе в форме «трудных фильмов», шедших от реалистического к условно-символическому, к иносказанию. Тенгиз Абуладзе привнес в кинематограф темы, характерные для сложного времени XX века,

изменил форму и стиль фильмов, обращаясь к жанру кинопритчи.

Философ, культуролог, историк культуры Владимир Библер писал, что «культура и попросту жизнь человека XX века бросают фундаментальный вызов нашему разуму... Человек XX века стоит перед задачей как-то соединить, осмыслить в единстве, не сводя друг к другу, разные, прямо противоположные смыслы бытия... Социальные,

и нравственные, и экзистенциальные катастрофы XX века заставляют сосредоточить внимание нашего разума на исходных началах бытия и мышления в целом (человек полностью ответственен и за свою свободу, и за судьбу мира, бытия)».

Т. Абуладзе ответил на этот вызов глубоко философскими картинами «Мольба» (1968), «Древо желания» (1975) и «Покояние» (1984), снятыми в жанре кинопритч. В трилогии проявились серьезные эстетические перемены: от присущих ранним фильмам режиссера бытописания, документальности, языка прозы – к языку поэзии, метафоричности, высокой обобщенности образов. В этих картинах мастер на разном материале проверял свои философские размышления и продолжал диалог с человеком. Его мысль, воплощенная на экране, помогает понять, как прожито человеком конкретное историческое время, и одновременно осознать,

каков он сам. Конфликт и трагизм в кинотрилогии выражены в конкретных ситуациях, и поставлены такие экзистенциальные проблемы, как страх, некоммуникабельность, вина, раскаяние.

Абуладзе продолжает исследование человеческой сути в притче «Древо желаний», представляя своих персонажей разными человеческими типами и превращая повествование в экзистенциальную драму. Персонаж Цицикоре – личность, подминающая под себя все живое. Его антипод Иорам – бунтарь, он отрицает мир рабов, провозглашает равенство, ждет прихода цивилизации. Бумбула – школьный учитель, пророк национальной идеи. Элиоз – мечтатель, ждет чуда и все ищет волшебный камень. Деревен-

Кадр из фильма «Покаяние»

Кадр из фильма «Покаяние»

ская чудачка Фуфала живет в вымышленном мире. «Кусочек солнца», местная красавица Марита, ее простодушный отец Чачика и возлюбленный Гедиа – простые деревенские жители... И реальное огромное дерево, под которым течет суетная бытовая жизнь и «философствуют» сельские кумушки. Режиссер сталкивает героев и дает свою моральную оценку каждому из них, раскрывая темы некоммуникабельности, одиночества и вины. Люди как бы не слышат, не понимают друг друга, они чужие друг другу, и это – одна из центральных проблем в ис-

кусстве XX века, объясняющая возрождение жанра притчи.

Тема вины присутствует также в притче «Покаяние». Абуладзе близка мысль Карла Ясперса о метафизической вине за состояние мира и раскаяние по поводу собственного несовершенства. Смысл заключается в том, чтобы принять на себя всю полноту вины и ответственности за прошлое, двинуться дальше, шаг за шагом изживая и преодолевая его в искреннем переживании раскаяния, в свете которого по-новому перестраивается вся человеческая жизнь. Абуладзе как художник

и гражданин кается за грехи человечества: «Я, художник, обязан исповедоваться... покаяться за всех, кто так или иначе виновен». Пафос «Покаяния» – именно в покаянии. «Человек должен покаяться за те грехи, которые он совершил волей или случайно», – считал режиссер. Поэтому проблема непокаянных грехов в фильме – одна из основных.

Притча «Покаяние» с поразительной экспрессией и насыщенностью показала трагизм кровавого советского террора, его корни, последствия и конец. Это был первый из анти-тоталитарных фильмов, который потряс советский народ и стал знаковым явлением перестройки в СССР.

...В 1963 году в СССР впервые приехал уже признанный в мире мастер кино, итальянский гений Федерико Феллини. Он привез на Третий Московский международный кинофестиваль свой шедевр «Восемь с половиной». Находясь в Москве, маэстро особо попросил о встрече с двумя режиссерами, уроженцами грузинской земли – Тенгизом Абуладзе и Марленом Хуциевым, авторами «трудных» фильмов. И встреча состоялась. И разговор был долгим...

ВВЕРХ И ВСЕ ВЫШЕ

■ Анастасия ЭРИСТАВИ

Изобретения умных и ярких личностей делают жизнь потомков комфортнее и приятнее. Хотя бывает так, что фамилия изобретателя, который осчастливил человечество той или иной замечательной идеей и ее воплощением, забывается. Но с человеком, о котором пойдет речь, и его замечательном изобретении, этого не случилось.

Многим из читателей, если не ежедневно, то хотя бы иногда доводилось пользоваться особым транспортным средством. Речь не о велосипеде, самокате или новомодных средствах передвижения, на которых стоишь без всякой опоры и едешь. Нет, речь о лифте. Это удобный и, как считается, очень современный «транспорт».

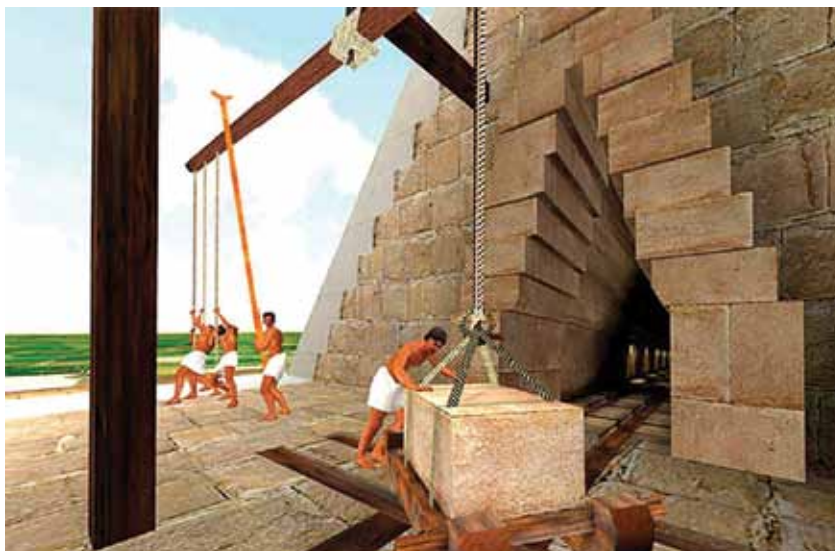
Между тем у лифта есть свои «предки». К тому же очень давние. В письменных памятниках Древнего Египта встречаются упоминания о подъемной платформе, на которой можно было поднять груз около 100 килограммов. А происходило это, судя по источникам, до нашей эры. Человек и в те далекие времена соображал, как облегчить себе трудную жизнь. Интересное явление отметили этнографы, наблюдавшие жизнь папуасов, которые по уровню развития так и не вышли из каменного века. По их обычаю, хоронить покойника

должны были на вершине дерева. Они придумали подъемник, действующий по принципу лифта. Платформа была плетеной из лиан и ветвей, а груз поднимался с помощью противовеса. Рычаг – это и есть «прародитель» лифта, лебедки, подъемного крана и прочих позднейших механизмов.

В десятой книге древнеримского архитектора и механика Марка Витрувия Поллиона «Десять книг по архитектуре» рассказывается о подъемных машинах. «Подъемные... – это поднимающие тяжести для установки их на высоких местах. Изящная работа машин, приводимых в дей-

ствие силою воздуха, является следствием тонкостей искусства. Подъемные обладают большими и поразительными удобствами для извлечения пользы и высшими достоинствами при умелом их применении». Этот замечательный и блестяще написанный трактат – единственная сохранившаяся античная работа об архитектуре с упоминанием интересующих нас подъемников. И еще в этом же труде есть указание, что Архимед из Сиракуз разработал конструкцию подъемника (лифта) по заказу Витрувия. И раз мы вспомнили великий Древний Рим, как не сказать о подъемни-

Подъемная платформа

ках, обнаруженных в печально известном городе Геркуланум, так же, как и Помпеи, погибшем при извержении вулкана Везувий. При раскопках нашли сохранившиеся элементы ручного подъемника, доставлявшего блюда из кухни.

У Нерона, который питал слабость к разного рода безумствам, было любимое увлечение: театральные действия. В его роскошном дворце были подъемники, которые доставляли на сцену актеров и декорации. Они приводились в движение людьми, их мускульной силой. И в Колизее, строительство которого завершилось в 80-м году н. э. при Тите – сыне Веспасиана, было, как утверждают исследователи, 12 лифтов: с подземного этажа

Один из первых подъемников

они поднимали на арену гладиаторов и декорации. А еще там были придуманы люки-ловушки, которые заставляли зрителей вздрагивать от неожиданности, потому что на арене вдруг появлялись дикие животные.

В Синайском монастыре (Египет, VI век н.э.) также использовались платформы, способные поднимать грузы. А в Европе и на Востоке, в Китае, крестьяне пользовались черпаками, работающими по принципу лифта, для того, чтобы доставлять воду из рек.

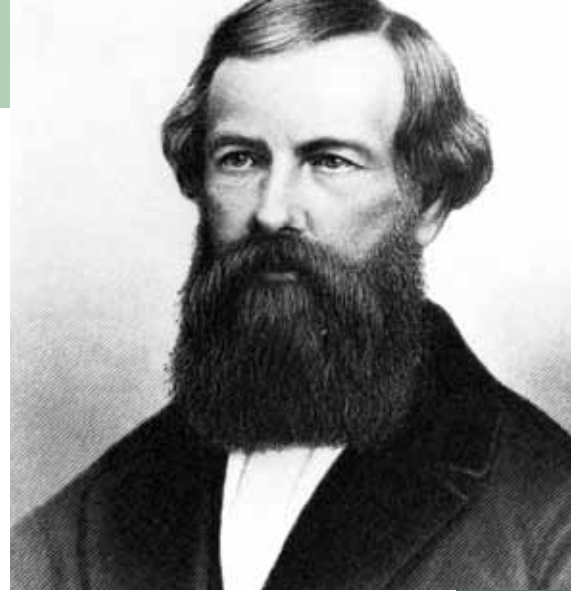
Однако переместимся чуть

ближе к нашему времени. И заметим, что лифты или то, что они приблизительно собой представляли, были привилегией императоров и королей. Так, историки считают, что первый «пассажирский» лифт появился в 1743 году во дворце французского короля Людовика XV в Версале. Знаете, для чего тридцатитрехлетний король использовал лифт (единственный во всем королевстве, никто больше не имел права придумать что-либо подобное)? Он имел удовольствие на специальном «кресле» подниматься в апартаменты своей любовницы, расположенные этажом выше. А спустя 50 лет механик-самоучка Иван Кулибин разработал винтовые «подъемные и спускные кресла» для Зимнего дворца. Поводом для его изобретения стала болезнь Екатерины II – ей было тяжело передвигаться и необходимо было именно таким образом доставлять ее в верхний покой.

Конструкция Кулибина состояла из двух толстых столбов, между ними была расположена платформа с креслом. Императрица садилась, и два человека (представьте себе, какой богатой силой они обладали!) опускали и поднимали платформу при помощи винтового механизма на паровом приводе. Позже в Эрмитаже оборудовали и другие подъемники. В 1826 году в Зимнем дворце, рядом с лестницей, установили «машину», которая соединила все три этажа. Когда работы закончили, инженер-изобретатель родом из Шотландии, бессменный директор Александр Яковлевич Вильсон получил подарок от императора – бриллиантовый перстень.

Через девять лет в Зимнем появился первый грузовой лифт: на нем доставляли дрова для каминов и печей. Этот лифт также был ручным. Подобные подъемники использовали физическую силу рабов, слуг, реже – тяглового скота.

Пришло время рассказать о человеке, имя которого вошло в историю ярких и значительных изобретений: Отис. Это имя давно стало брендовым. Изобретатель, чьим именем названы лифты, стремящиеся вверх, все

Элайша Грейвс Отис

выше и выше, изобрел невероятно нужное и удобное, а самое главное – безопасное транспортное средство.

Элайша Грейвс Отис (Elisha Graves Otis) родился в 1811 году в Галифаксе, в штате Вермонт. Из родительского дома уехал в возрасте 20 лет и в итоге оказался в Трое, штат Нью-Йорк.

Он сменил много профессий: был рабочим на стройке, трудился на лесопилке, собирал кареты, служил на мебельной фабрике. Уже женившись, обзаведясь детьми, мечтал наладить собственный бизнес. Но при том, что он очень много и очень усердно работал, с бизнесом у него ничего не получалось. Денег постоянно не хватало. В это время он еще и тяжелейшим образом переболел воспалением легких, чуть не умер, но выжил. А жена Сьюзен, которая была ему опорой и родила восьмерых сыновей, ушла из жизни, когда младший сын был еще в пеленках. Отдадим должное упорству и целеустремленности Отиса – трудности и испытания только закаляли его волю.

В 34 года он с детьми (второй раз так и не женился) перебрался в Олбани, устроившись работать на мануфактуре по производству каркасов для кроватей. Инициативного человека, умелого и изобретательного, заметили. Его назначили ответственным за строительство нового здания. Вот тогда-то он впервые столкнулся с проблемой работы грузовых подъемников. А проблема эта была не только очень острой, но и опасной для тех, кто работал на этих лифтах. Отиса попросили сконструировать подъемник для доставки досок на второй этаж. Тут Отис и сделал свое

ключевое изобретение. Он прикрепил трос к платформе подъемника через плоскую пружину вроде рессоры (пригодился опыт работы с каретами), а по бокам установил зубчатые рельсы. Под весом даже пустой платформы пружина выгибалась и спокойно проходила между рельсами. В случае же обрыва каната пружина, распрямившись, своими концами застревала в зубцах рельсов, предотвращая падение, и платформа лифта садилась на ловители. Разработки удались на славу, но компания, в которой Отис работал, вдруг обанкротилась. Однако фортуна улыбнулась трудолюбивому человеку: две соседние фабрики, узнавшие о его изобретении, заказали ему по безопасному подъемнику.

Успех и настоящее признание пришли к Отису, когда был запущен первый безопасный пассажирский лифт. Ему удалось не то что удивить, а вызвать настоящее потрясение публики. На выставке в Кристалл-Пэлэс в Нью-Йорке Отис продемонстрировал безопасность своего подъемного устройства экстравагантным образом: он стоял на открытой платформе лифта, на которой было много груза, а в это время его ассистент на глазах у изумленной публики перерубил топором удерживавший его канат. Именно это и вызвало крики удивленной и испуганной публики, но

Лифт Санта Жушта. Лиссабон

Лифт во дворце Фаброн. Ницца

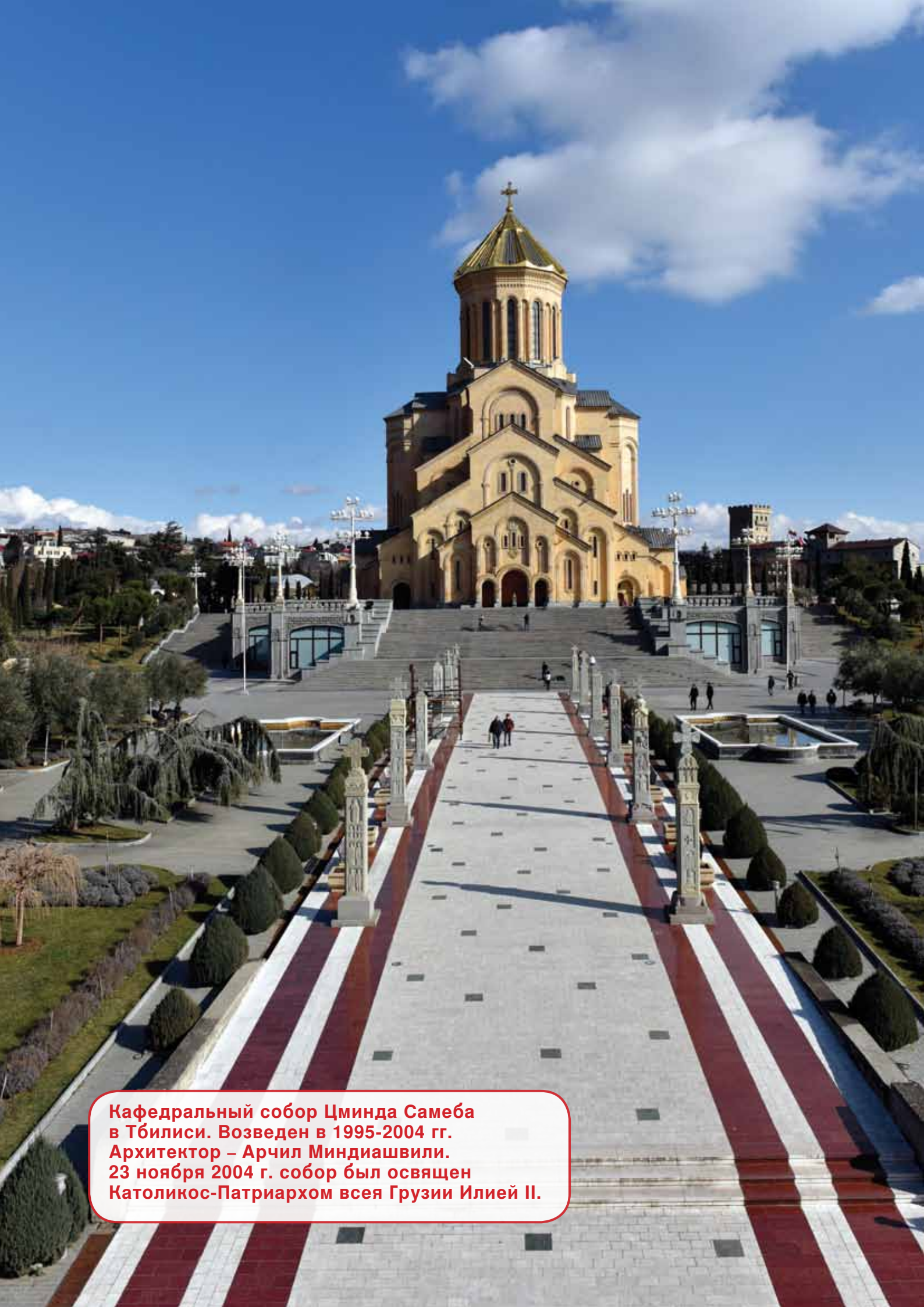
платформа лифта, установленная примерно на уровне четвертого этажа, осталась на месте и не упала вниз. Этот эффектный трюк Отис демонстрировал не раз и, как описывали газеты, всякий раз в конце шоу снимал шляпу и сообщал публике, что все безопасно. Номер стал абсолютным хитом выставки. А мы сегодня вполне можем назвать Отиса замечательным промоутером, который с выдумкой занимался рекламой своего продукта.

Мечта Отиса о собственном бизнесе сбылась. Стоит упомянуть, что он работал над своими устройствами очень оригинально – никогда не пользовался чертежной доской, не чертил проектов и даже не делал эскизов. Планы своих устройств он делал при минимальном соответствии с требованиями Патентного бюро. Между тем заказы на изготовление новых лифтов стали поступать регулярно, и его семейная

фирма начала процветать. К несчастью, Элайша Грейвс Отис умер во время эпидемии дифтерии, не дожив несколько месяцев до своего 50-летия. Но его сыновья успешно продолжили семейное дело.

Первый электрический лифт фирмы «Отис» был смонтирован в одном из нью-йоркских небоскребов в 1889 году. Вот с этого времени проблема подъема больше не сдерживала рост зданий вверх. Самый высокий небоскреб США («Сирс Тауэр» в Чикаго) имеет 106 лифтов, 16 из которых – двухэтажные, то есть принимают и высаживают пассажиров сразу с двух этажей. Два экспресс-лифта для посетителей смотровой площадки на крыше преодолевают 412 метров за минуту и несколько секунд.

Фирма «Отис» приобрела известность во всем мире и до сих пор остается востребованной и успешной.

**Кафедральный собор Цминда Самеба
в Тбилиси. Возведен в 1995-2004 гг.
Архитектор – Арчил Миндиашвили.
23 ноября 2004 г. собор был освящен
Католикос-Патриархом всея Грузии Илией II.**

СИЛА ЖИЗНИ
Фото Александра Сватикова